

Мария Некрасова

БОЛЬШАЯ КНИГА УЖАСОВ 79

Привычка выживать
Остров требует жертвы

Мария Евгеньевна Некрасова
Большая книга ужасов – 79
Серия «Большая книга
ужасов», книга 79

indd предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=49792050
Мария Некрасова Большая книга ужасов 79:
ISBN 978-5-04-091788-4

Аннотация

Остров – место, где можно найти спокойствие. А еще это место, которое нельзя покинуть просто так, по первому желанию. Остров – это тюрьма. Но что, если она к тому же населена монстрами? Чудовищами, которые только и ждали жертву, которая однажды наконец приплывет к ним и больше никогда не сможет выбраться отсюда? Герои этих историй имеют дело не только со злом, им придется сражаться с собственными страхами. А от них, так же как и с островов, на которых они оказались, никуда не убежать...

В книгу вошли повести Марии Некрасовой «Привычка выживать» и «Остров требует жертвы». Оба произведения печатаются впервые.

Содержание

Привычка выживать	5
Флэшбэк-1 (вместо пролога)	6
Глава I	13
Глава II	28
Флэшбэк-2	36
Глава III	40
Глава IV	53
Глава V	60
Флэшбэк-3	73
Глава VI	78
Глава VII	90
Глава VIII	95
Глава IX	106
Глава X	117
Глава XI	128
Глава XII	135
Конец ознакомительного фрагмента.	142

Мария Некрасова

Большая книга ужасов 79

Серия «Большая книга ужасов»

© Некрасова Мария, 2020

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

* * *

Привычка выживать

Все персонажи и события вымышлены, все (не дай бог!) совпадения случайны; никакого института Шарикова, конечно, не существует.

Я все это выдумала, но продолжаю настаивать, что в жизни такое случается.

Флэшбэк-1 (вместо пролога)

Лена и Жули

Сервал – это первое, что я помню из моей новой жизни. Там, где она началась, был сервал. Я их не встречала до того момента и не знала, как называются, а теперь слово прочно въелось в голову, не выгонишь. Сервал. Большой кот с большими ушами. Он лежал в маленькой клетке, в нескольких шагах от меня, аккуратненький, в красивых черных пятнах, которые будто специально долго рисовали. Весь перемотанный бинтами, с этой торчащей отовсюду ватой, он был похож на порванную игрушку. Но это сейчас я так думаю. Я много о нем думаю последнее время.

Себя я тогда плохо помню. Помню, что все болело. Я смотрела на сервала, на свои руки и торчащую из вены фиговину веселого зеленого цвета. Я тянулась ее сорвать – и будто проваливалась в яму. Бесконечное падение. Сон. Он длился целую вечность, и даже там, во сне, в своем бесконечном падении, я чувствовала боль. Она росла из плеча и уходила то в ноги, то в голову – как будто металась туда-сюда.

Я не помнила, кто я и как я сюда попала, меня просто не было. Была боль, бесконечное падение – и сервал. Когда я открывала глаза, я видела его.

Он быстро выздоравливал, этот котяра. Хотя сейчас я думаю, что, может, не так уж и быстро, просто это я спала еще

дольше, чем мне казалось тогда. Боль, бесконечное падение, боль. Я открываю глаза – и на сервале уже не хватает одной повязки. На том месте, где она была, – выбритый участок кожи, такой же пятнистой, как мех, и еще – шрам. Потом опять яма, боль, пробуждение – и сервал, моя порванная игрушка, уже стоит на своих ногах и ковыряется еще забинтованной лапой в миске. Смешно ест «руками», насаживая мясо на длинные когти.

Я его не боялась, я думала, как же мне хочется тоже встать на ноги и бежать отсюда. Но это было невысказано. Не помню, чтобы я вообще могла пошевелиться. Боль не думала уходить, казалось, она со мной навсегда. Я опять проваливалась в свою яму с огромной злостью на этого котяру, которому становится лучше, а мне вот нет.

Иногда мне давали выпить что-то горькое. Сил отплеиваться не было, приходилось глотать. К тому же после таких вливаний я засыпала надолго, и боль хоть немного отступала. Однажды я проснулась – а сервала уже не было.

Его забрали, пока я падала в свою яму, мне осталась только пустая клетка. Она еще долго стояла в том углу, и, если бы не она, я бы подумала, что сервал мне приснился. Почти сразу после того, как он выздоровел, я начала кое-что вспоминать.

Мы с мамой и теткой собирали ягоды. Такие с большими косточками, но вкусные, не знаю, как называются. Их было много, нам повезло, и все крупные. Помню, как сплевывала

эти большие косточки на землю и целилась в широкие листья какой-то травы. Косточка от них отлетала и выстреливала вверх.

А потом был настоящий выстрел. Воздух взорвался где-то за моей спиной, я увидела, как бесшумно вспорхнула стая и бесшумно упала мама. Мне заложило уши. Кто-то, скорее всего отец, толкнул меня в спину, и мы побежали. Тетка рядом со мной, отец сзади.

Я бегу, и мне хочется оглянуться, но я боюсь. Не оглядываюсь. Ничего не слышу, только вибрации воздуха, он бесшумно взрывается за спиной. Падает отец, и я все-таки оборачиваюсь. Тут же что-то тяжелое бьет меня по плечу. Тетка. Она висит на мне, изо всех сил цепляясь, у нее страшное лицо, совсем не похожее на то, что я привыкла видеть. Я так и стою между ними, ничего не соображая, пока что-то не кусает меня в спину.

Перед глазами бегают разноцветные зайчики, но я все еще держусь на ногах и держу тетку. Я даже не помню, чтобы было больно тогда: укус – и все. У тетки не двигаются зрачки. Это ужасно странно, но я не успеваю удивиться: что-то больно впивается мне в плечо. Я пытаюсь бежать, падаю и скапываюсь в низину под большое дерево. Я успеваю подумать, что в таких зарослях меня вряд ли найдут, и проваливаюсь в яму.

Когда я наконец открыла глаза, я увидела сервала.

Уже после того как сервал выздоровел и даже унесли пустую клетку, ко мне стала приходиться женщина. Она меня кормила и заставляла разрабатывать больную руку. Во всей правой четверти выше пояса мне принадлежала только боль. Рука была как чужая, я не верила, что когда-нибудь смогу ее хотя бы поднять.

...А волонтерша хотела, чтобы я сгибалась и разгибалась пальцы, брала этой чужой рукой странные скользкие игрушки. Это было больно и невозможно. Я злилась, хватала все левой и выбрасывала в дверной проем на улицу. Волонтерша покорно приносила игрушки, и все начиналось заново. В день, когда мне удалось удержать ненадолго маленький мячик, она радовалась больше меня.

Потом она притащила мне краски. Совсем чокнутая! Я и сейчас рисую не очень, а тогда – стыдно вспоминать. Но волонтерша была довольна, ей все нравилось. А мне нравилось, что я хотя бы могу держать кисточку в больной руке.

Еще она учила меня говорить. Я не знала ее языка, и она меня учила, чтобы я могла понять, чего она от меня хочет. Я плохо запоминала слова и все время путала, но волонтерша считала, что я молодец и вообще очень милая. Ее звали Лена. Не знаю, как она ухитрилась меня понимать, но мы болтали все время, когда я не спала. Не помню, чтобы еще ко-

гда-нибудь с кем-нибудь столько болтала.

Первым делом я спросила, что за животное здесь было со мной и не приснилось ли мне оно. Тогда Лена стала рассказывать про сервалов. Я почти ничего не запомнила и почти ничего не поняла, кроме того, что они живут одни, без стаи. Было жутко обидно за них. Такие красивые котики – и одиноки. Наверное, у них просто неуживчивый характер.

Еще Лена говорила, что сервал, как и я, пострадал от войны, что от нее все страдают. Но он уже выздоровел и вернулся домой – значит, и я вернусь.

Я тогда разревелась. Потому что хотела домой, только меня там ждала участь сервала. Я не хотела, как этот глупый кот, жить одна, но мне придется, потому что никого из моих в живых не осталось.

Лена спросила, чего это я, а я, путаясь в словах нового языка, сказала, что не хочу быть сервалом. Другая бы рассмеялась, а Лена стала меня утешать и говорить, что мы обязательно что-нибудь придумаем. Я не могла ей поверить: что тут придумаешь, когда я уже как сервал? Но мне было легче оттого, что она рядом.

Она долго со мной возилась. Я видела в дверной проем, как меняется погода, но отчего-то не хотела выходить на улицу. Наверное, все-таки боялась, не помню. Помню, я чувствовала, что становится все холоднее и холоднее: наступала осень, а мое плечо никак не заживало. Мне казалось, что я навсегда поселилась здесь, в этом маленьком госпитале, но

больше меня это не пугало – ведь со мной была Лена. Она была первым, что я видела, когда открывала глаза по утрам, и последним, что я видела засыпая. Я уже ловко хватала все игрушки, даже скользкие, еще рисовала и пыталась вязать хитрые узелки, которые показывала Лена. Если мы не занимались моей рукой, мы болтали.

Я расспрашивала ее в основном про новых животных, которых приносили в мой закуток. Они все были больны или ранены, Лена рассказывала мне, что с ними случилось. Я еще плохо понимала ее язык и переспрашивала по двести раз. Когда Лене это надоедало, она выдумывала всякую ерунду: например, что антилопа не попала в яму, а неудачно станцевала и запуталась в ногах.

Многих из тех, кого приносили, я встречала и раньше, но не знала, как они называются на Ленином языке. Тогда я и это заставляла ее повторять по нескольку раз – должна же я была запомнить!

Я помогала Лене за ними ухаживать, она не возражала, говорила, что так я скорее разработаю больную руку. Этих животных выздоровела, наверное, целая стая, прежде чем зажило мое бедное плечо.

Это случилось уже зимой. Утра были холодные, и я не спешила вставать. Я открыла глаза, увидела, что Лена за ночь никуда не сбежала, и плотнее завернулась в одеяло, чтобы спать дальше. Тогда Лена сказала, чтобы я перестала валять дурака, потому что ей пора домой. Я даже не поняла – я ду-

мала, ее дом здесь, хотя это, наверное, глупо.

Я разревелась и стала проситься с ней. Не помню, что тогда говорила мне Лена – кажется, что-то про плохую погоду и про долгую дорогу... Честно говоря, мне было плевать на это все. Я хотела выбраться отсюда с ней, а не одна, как глупый сервал.

И она позволила! Она сказала, что я уже достаточно здорова, чтобы все выдержать.

Глава I

Авария

Слепой фонарь над проходной блестел металлическим ободком. В будке охранника не горел свет, и ворота были не освещены: просто глухой лист железа в темноте. Оглушительно стрекотали цикады: только они и заставляли думать, что мы в реальном мире, а не во сне – уж очень все это было странно.

– Умер он там, что ли? – Лысый постучал ногой в ворота. Противный металлический стук, я даже уши зажала. – Михалыч! Выходи, дачники приехали.

Сторож Михалыч ждал нас на даче всю неделю. Ну, должен был ждать. А вот мы приехали – и никого. Темнота, тишина.

– Не надо говорить, что он умер!

Но Лысый меня не услышал. Он стучал в темное окно проходной, потом прижался лицом к стеклу, заслоняясь ладонями:

– Михалыч! Дрыхнет, что ли...

Флер встала на лавочку у бетонного забора, подтянулась в руках и уселась верхом. Лысый не видел, был занят тем, что пытался достучаться в будку на проходной. А я полезла к Флер. Мальчишки, наблюдавшие все это из машины, тут же повыскакивали и устремились к нам на забор. Они крались

осторожно, чтобы Лысый не заметил, но он был слишком занят и вообще не смотрел в их сторону.

Бетонный забор вокруг нашей дачи обожают местные художники. Каждый год, как ни приедешь – обязательно новые рисунки. Михалыч ругается, грозитя поймать и заставить красить, но еще никого не поймал. Сейчас я видела что-то новенькое, но не могла разглядеть в темноте. Вскрабкалась на забор, уселась рядом с Флер.

Холодный бетон после теплой машины пробирал до костей. Больше всего хотелось спрыгнуть, но на забор уже карабкался Лео, и карабкался с моей стороны. Когда рядом с тобой садится Лео, холод можно и потерпеть. Он залез, устался в темноту на территорию дачи, и я сделала вид, что тоже туда смотрю.

...А через секунду между нами втиснулся Бад, а за ним еще Васька и Руди! Флер молча глянула на вот это все и только сочувственно мне кивнула. Что тут скажешь, когда все за нас решают Бады! Не люблю Бада. Он дурак.

Мы ухитрились усесться вшестером на одной секции (Софи, похоже, уснула в машине). Все пытались разглядеть хоть что-то на неосвещенной территории школьной дачи.

– Что-нибудь видишь?

По ту сторону забора было так же темно, как по эту. Я еле разглядела асфальтовую дорожку, ведущую к корпусам, и черные безглазые коробки – сами корпуса. Вся территория утыкана фонарями, ночью здесь бывает светло как днем, а

сейчас нет. Ни один фонарь не горел. Мрак. Ни души. В ухо ударил холодный ветер, желудок свело спазмом. Последний раз мы ели в школе, это было в обед. Потом долго ехали, Лысый забыл сумку с продуктами и полдороги ворчал об этом, а вторую половину говорил, что ничего страшного, поедим на даче, Михалыч нас ждет. Ну вот и приехали. Темно и холодно. И Михалыча нет.

Лысый колотил в дверь так, что я вздрагивала каждый раз. Если бы Михалыч был на месте, он бы давно услышал. Куда же он делся? Лысый еще разок саданул по двери (мне показалось, что бетонный забор качнулся под нами от этого удара), ругнулся и сел на крыльцо.

– Что видно? – Он спросил как ни в чем не бывало, даже ничего не сказал, что мы сидим на заборе.

– Ничего. Темно.

– Вот мы влипли! И не позвонить...

Телефон Лысого остался в школе. большей частью – на столе в спальне мальчишек. Еще несколько мелких частей затерялись навечно где-то под кроватями, Лысый их не искал, он сказал, что телефон сдох. Мальчишки натянули веревочку над порогом, и Лысый споткнулся вместе со своим телефоном. Лысый ушибся, телефон сдох. После этого Лена отобрала все наши планшеты до осени, чтобы мы за лето не отупели окончательно. В общем, мы все без связи. У Лысого еще есть ноутбук, но у Михалыча нет скайпа.

– Михалыч!

Тишина.

Я сидела на заборе и таращилась на темные дачные корпуса. Странно, что в этих слепых черных коробках когда-то была жизнь. Корпуса выглядели так, будто там тысячу лет никто не появлялся. Жесть крыши, блестящая в свете луны, в одном месте разошлась, образовав огромную дыру – я бы, пожалуй, пролезла. И окно в ближайшем корпусе. Выбито? Стекло блестело только в нижней части окна, а выше – черный мрак. Или мне плохо видно, или... На дорожке блеснул крупный осколок. Точно: стекло выбито.

Я крикнула Лысому, но он опять заколотил в дверь будки и не услышал.

Я показала Флер и еще Руди, который теперь сидел рядом со мной. Они долго не могли разглядеть, пока Бад не ткнул пальцем:

– Смотрите, ураган был!

Кажется, он прав. Я сразу разглядела поломанное дерево и большие ветки, разбросанные тут и там...

– Может, это просто Михалыч танцевал! – заржал Васька. – Или на дачу напали бандиты и убили Михалыча!

– Дурак! – Руди повис на заборе вниз головой и с умным видом рассматривал темноту. – Хорош девчонок пугать, а то я сам боюсь.

– А чего пугать-то? – Васька попробовал повиснуть так же, но поскользнулся и сел как раньше. – Сам посуди: все вокруг поломано, человека нет...

– Дерево тоже они поломали? – спросил Бад.

Руди заржал.

Васька слишком много смотрит телевизор, особенно всякие ужастики и про бандитов. И любит нас пугать.

* * *

Наконец-то лязгнула задвижка, и дверь будки открылась. Мы с Флер свесились с забора и уставились вниз.

– Михалыч! Ну ты здоров спать, я уж не знал, что думать!

Свет по-прежнему не горел. Сверху я видела блестящую плешь Михалыча, он вышел, ссутулившись и опираясь на палку. Вторая рука висела на перевязи, в темноте ярко белел бинт. Сломал? Нам не говорили.

Флер тут же соскочила с забора и помчалась обнимать сторожа:

– Михалыч, что с тобой?

Он пытался отстраниться, но от Флер еще никто не уходил. Пришлось мириться с неизбежным.

– Ничего страшного, руку сломал. Ураган был, два столба упало. И вот мне досталось.

– Больно?

– Терпимо. Но света на даче нет. До кучи еще и авария в котельной.

– И ты только сейчас об этом говоришь?! – Лысый смотрел на него так, будто это Михалыч устроил ураган.

Флер под его взглядом быстро драпанула обратно на забор. Бад и Васька с Руди прыгнули на территорию и побежали смотреть, как там все поломало. Михалыч заметил:

– Осторожнее там! Еще ничего не убрали!

– Какой осторожнее! – рявкнул Лысый. – Назад быстро!

Ты раньше сказать не мог?! Вот что мне с ними теперь делать?!

Мальчишки возвращались бегом. Когда Лысый так разговаривает, с ним не надо спорить.

– Дальний корпус почти не пострадал. – Михалыч смотрел в землю, и я могла детально изучить его плешь. – Заночуете там, одеял у меня много. А утром ремонтники приедут...

– И провозятся до конца лета! Ты понимаешь, что ты говоришь?! Как я их здесь оставлю?! У половины из них уже была пневмония, а вторая половина...

– Да чего ты боишься – лето на дворе!

Лысый двумя пальцами взял Михалыча за рукав свитера, оттянул и потеревил в пальцах, пробуя толщину. Михалыч сник.

– Ладно. – Лысый отпустил его рукав. – Поедем в старый корпус на ночь глядя. Спасибо, Михалыч, за наше счастливое детство! Только бензина дай, а то по дороге заправок нет.

Михалыч уставился на него шальными глазами и сказал:

– Не дури, Степанов! – голос у него совершенно изменился. Он шептал, этот Михалыч, но так, будто сейчас набросится на Лысого с кулаками.

– Ой, да ладно тебе, цирк с конями! – Если Михалыч шептал, то Лысый орал. – Давай хоть ты меня не грузи бабушкиными сказками! Бензина дай!

Мальчишки вышли с территории через проходную, промылились мимо Михалыча и встали в сторонке вдоль забора. Михалыч глянул на них, на нас, что-то зашептал и втащил Лысого в будку.

Бад тут же подскочил и прижался ухом к двери проходной, но из окна показался кулак Лысого, и Баду пришлось отойти на пару шагов. Я только тогда заметила, что и это окно выбито.

Я спрыгнула с забора, потихоньку подлезла под окно будки и попыталась послушать.

Говорили очень тихо. Михалыч шипел как охрипший, я не разбирала слов. Да еще мальчишки с Флер подлезли ко мне под окно послушать, топтались по ногам и громко дышали в уши. Я слышала только Лысого.

– Ну что, что ты мне еще придумаешь?

– Пш-ш-ш-ш.

– И?

– Пш.

– Знаешь, сколько народу тонет по синьке в этом водохранилище?

– Пш-ш.

– А вот это уже выдумки! Хотя если они в воду полезли, то башки у них и при жизни не было. Так что, может, и не

выдумки.

– Пш!

– Да не смеюсь я! Просто противно, когда взрослый мужик рассказывает байки про чупакабру.

– Про кого? – потихоньку спросила Флер.

– Это я знаю! – Васька отошел от окна и стал объяснять. – Это такая тварь, которая пьет кровь у животных. Никто не знает, как она выглядит, потому что приходит по ночам и нападает на скотину. Хозяин утром встает – а собака мертвая. Или ребенок. Или...

– Прекрати! – это уже Лысый. – Чупакабра, Баба-яга – какая разница? Бред это все.

– Пш-ш.

– Что на деревьях? Вот не выдумывай! Ну черт с ним, убили кого-то, ладно, верю. В лесах все время кого-нибудь убивают. Но мы там будем на маленьком острове и всех маньяков переловим сами, им там негде спрятаться.

– Пш-ш-ш.

– И чупакабру тоже.

– Пш.

– И бабку-ежку тоже поймаем и съедим! Уймись, Михалыч, а то я начну думать, что у тебя крыша поехала. Нормально доедем, на лодочной станции сейчас спокойно. Или нет?

– Пш.

– Ну и ладно. Бензину дай.

Флер покрутила пальцем у виска. Бад слушал разинув рот, а Васька не унимался:

– Я видел по телику то, чего боится Михалыч. На днях. Вы дрыхли уже, а мне не спалось, Лена разрешила мне посмотреть с ней «Новости». Я пытался ее уговорить на фильм...

– Ну не тяни уже!

– Короче, на берегах какого-то водохранилища, я не понял, который год находят тела...

– Не какого-то, а нашего, – поправил Руди. – В это время по телику местные новости.

– Ну и что, там все время кто-нибудь тонет.

– В том-то и дело! – Васька сделал паузу. – В том-то и дело, что эти не утонули. Их убили. То, что нашли в тех «Новостях», было обезглавлено и висело на дереве выше человеческого роста. В другие годы находили...

– Заткнись! – рыкнул Бад. – Если вы с Михалычем смотрели одно и то же, то все понятно. Правильно Лена говорит: телевизор – зло.

– Она потом жалела, что дала мне это смотреть.

– Ну вот!

– Что-то мне уже не хочется на дачу, – сказал Руди.

Бад только глянул на него, но тут Лысый рывкнул Михалычу «Уймись!» – и мы дружно рванули к машине.

Все, кроме Софи. Она как раз проснулась и выходила из машины посмотреть, где все и чего это Лысый разорался. Я налетела прямо на нее. Мы упали, попались под ноги Руди, и

тот полетел через нас в открытую дверцу машины. Но не долетел, потому что его подхватил Лео, но все равно споткнулся о нас и закрыл головой злополучную дверцу, заодно прищемив волосы Флер, потому что она уже лежала на земле, я не помню, как это произошло. Люблю своих одноклассников! С ними бывает всякое, но никогда не бывает скучно.

* * *

– Ты не прав, Степанов. – Михалыч подошел со своей палкой, неся канистру в той же руке. Наверное, было неудобно. – Ты рискуешь не только собой...

– Ничем я не рискую! – Лысый отобрал у Михалыча канистру, отвинтил крышку и шагнул к закрытому бензобаку. – Михалыч, хоть при них не начинай.

– Вот и пусть знают, кого благодарить, ежели что. Кому ты тут свою удачу показываешь, Степанов, мне? Или им? Иванова бы поняла...

– Иванова тебе скажет то же самое! Позвони ей и спроси, у меня телефона нет. Она скажет: «Михалыч, ты сбрендил!» – Лысый плеснул бензина на запертый бак, ему попало на штанину, а он так и лил бензин, пока Бад не схватил его за руку:

– Осторожно.

– С вами и я сбрендил. – Лысый наконец поставил канистру и пошел в машину за ключами.

Он сел за руль, достал ключи, вставил в зажигание, повер-

нул...

– Бензин, – напомнила Флер. Лучше бы не напоминала! Лысый так глянул, что она пригнулась на своем заднем сиденье. Михалыч это все видел.

– Ну вот куда ты собрался ночью?

Лысый выпрыгнул из машины, задев Михалыча дверью:

– Ехал бы днем, если бы ты вовремя сказал мне об урагане! Отвали уже! – Он стал ковырять ключами дверцу бензобака, но, кажется, не попадал, потому что было темно.

Потом Руди напомнил ему про воронку – и тут же драпанул к забору, потому что у Лысого было и правда страшное лицо. ...А потом Лысый пытался нас всех собрать и загнать в машину (после всей этой заварухи внутри осталась сидеть только Флер). Лично я боялась к нему подходить и залезла на забор, где уже были Софи и Руди. Бад сидел неподалеку на дереве, рвал и лопал зеленые вишни, сплевывая косточки в кого повезет. Васька кругами удирал от Лысого вокруг машины, Лео культурно сидел на скамейке у забора и наигрывал на бас-гитаре поверх чехла.

* * *

Лысый опять повернул ключи в зажигании, машина опять взвизгнула и замолкла.

– Съездили! Михалыч там колдует, что ли?! Совсем старик сбрендил. – Лысый двинул кулаком по рулю, и гудок вре-

зался в уши, я аж вздрогнула.

– Это похоже на знак, – потихоньку сказал Васька. – Знак, что ехать не надо. Сперва бензина не было, теперь машина не заводится...

Бад вlepил ему затрещину, а сам сказал:

– Лень, может, правда ну его? Я устал. И голодный.

– И я! – поддержал Руди. Бад дотянулся с переднего сиденья и тоже вlepил ему затрещину.

– А в старом корпусе здорово! – заметила Софи. Она в школе дольше нас всех, и, кажется, она одна помнит этот старый корпус. Лично я видела только новый, где Михалыч. А о старом только слышала, что он есть и его никак не могут продать, не знаю почему.

Лысый посмотрел на нас в зеркало, и мне захотелось опять сбежать на забор. У него были жуткие красные глаза, я думала, он сейчас рявкнет так, что я еще долго ничего не буду слышать. Но вместо этого он молча повернул ключ. Странно, но в этот раз раздался не визг, а ровное тархтение мотора. Кажется, мы все хором вздохнули тогда. Лысый сразу ожил:

– Ну вот, а то «Не поедem, не поедem!».

Он включил музыку, и мне сразу стало спокойнее. Играло что-то медленное и очень тихо. Я откинула сиденье и нацелилась поспать, но Лысому это не понравилось:

– Не спать, а то я сам усну. Только этого нам не хватало... – Он стал крутить ручку магнитолы, и машина наполнилась противным шипением, иногда перебиваемым музы-

кой. Лысому все не нравилось, а спать под это было невозможно. Я заткнула уши и смотрела, как он вертит ручку магнитолы, другой рукой удерживает руль и еще что-то беззвучно ворчит. Когда он отнял руку от магнитолы, я рискнула открыть уши.

– *Когда же они проснулись, кругом была темная ночь*¹. Гретель стала плакать и говорить: «Как мы из лесу выйдем?» Но Гензель ее утешал: «Погоди только немножко, пока месяц взойдет, тогда уж мы найдем дорогу».

– Вот сказку слушайте, – довольно сказал Лысый. – Хоть так не уснете.

– Подходящая сказочка, – заржал Бад. – Скажи честно, куда мы едем?

– На дачу в старый корпус. Там остров, лес...

Все заржали.

– *Так шли они всю ночь и еще один день с утра до вечера и все же не могли выйти из леса и были страшно голодны, потому что должны были питаться одними ягодами, которые кое-где находили по дороге. И так как они притомились и от истомы уже еле на ногах держались, то легли они опять под деревом и заснули.*

– И эти спят, – ворчал Лысый. – Вставайте уже!

– Мы не спим.

– Да я не вам...

¹ «Гензель и Гретель» – сказка братьев Гримм. Перевод Н. Полевого. (Прим. автора)

Лысый и в школе все время разговаривает с телевизором. Обычно это смешно, но в этот раз было как-то непривычно, наверное из-за того, что вместо телевизора было радио.

– А старуха только покачала головой и сказала: «Э-э, детушки, кто это вас сюда привел? Войдите-ка ко мне и останьтесь у меня, зла от меня никакого вам не будет».

Она взяла деток за руку и ввела их в свою избушечку. Там на столе стояла уже обильная еда: молоко и сахарное печенье, яблоки и орехи. А затем деткам были постланы две чистенькие постельки, и Гензель с сестричкой, когда улеглись в них, подумали, что в самый рай попали.

– Леня, нам обязательно слушать этот бред? – спросил Бад.

– Поворчи у меня!

– Но старуха-то только прикинулась ласковой, а в сущности была она злою ведьмой, которая детей подстерегала и хлебную избушку свою для того только и построила, чтобы их приманивать. Когда какой-нибудь ребенок попадался в ее лапы, она его убивала, варила его мясо и пожирала, и это было для нее праздником. Глаза у ведьм красные и недалёнозоркие, но чутье у них такое же тонкое, как у зверей, и они издали чувствуют приближение человека. Когда Гензель и Гретель только еще подходили к ее избушке, она уже злобно посмеивалась и говорила насмешливо: «Эти уж попались – небось не ускользнуть им от меня».

– Леня, что мы слушаем?! – заныла Флер. – Ночь кругом,

как-то неуютно под такой аккомпанемент.

– Зато точно не уснете, – зевнул Лысый.

– Это всего лишь сказка, – зевнул и Бад. За ним стали зевать все, пока Васька не выдал:

– А я видел по телику такую ведьму. Только она всамделишняя.

– В смысле не сказочная?

– В смысле убивала и жрала людей. Ее в «Новостях» показывали, когда арестовали.

– Прекрати!

– Да ладно, она в тюрьме давно. И вообще не у нас, а где-то в другом городе, я не запомнил.

– Не запомнил и молчи. – Бад дотянулся и вlepил ему затрещину.

А я подумала, что теперь точно не усну.

Салон уже прогрелся. Я сидела, втиснувшись между Флер и Софи – тепло. Радио бубнило свою сказку, Бад с Васькой ругались, я не заметила, как все-таки уснула.

Глава II

Пристань

Проснулась от холода. Машина стояла на освещенном пятчке бетона, а вокруг была чернота. Ах да, река! Лодочная станция! Лысого не было. Растянувшись на двух передних сиденьях, спал Бад, остальные скрючились в своих креслах, кто как, и тоже дрыхли. Холодно. Значит, давно стоим. Я подумывала выйти осмотреться, но Софи так вытянула ноги, что выбраться, не разбудив ее, я бы не смогла.

Сижу. Фонари за окном освещают парковку, где кроме нас – никого. От этого не по себе. И где, спрашивается, Лысый? Должно быть, ищет лодку. Ночью, наверное, трудно найти дурака, который повезет нашу компанию, вот Лысый и забегался. И чего мы не заночевали в новом корпусе! Туда хотя бы ехать не по воде.

Ужасно хотелось есть, пить, плакать и обратно в школу. Дача – проклятие человечества! Лысый спрашивал, спокойно ли ночью на станции. Да уж спокойно. Ни души. Даже мошкары под фонарями не видать, как будто неподвижную картинку приклеили к окнам машины. А я – любуйся. Когда Лысый придет, я услышу.

Я закрыла глаза, но сон не шел. Горло щекотала странная тревожность: чего Лысый спрашивал, спокойно ли на станции ночью? Что здесь может случиться-то, где нет людей,

только фонари и вода? Лысый нам ничего не рассказывает, все приходится подслушивать. Все бережет от стрессов. От каких?

Софи заворочалась во сне, и я распахнула глаза. Тихо. Картинка за окном все та же. А почему так тихо-то, если Лысый бегает по пристани и ищет лодку? Он должен топтать как конь в этой тишине. Не слышно. Наверное, ему пришлось далеко отойти.

Река чернела за бетонным причалом. Не люблю воду. Кто ее знает, что там на дне...

Где-то далеко заревел катер. Я вскочила, забыв о ремне, отпружинила, плюхнулась на сиденье, отстегнулась, еле найдя замок под сиделищем Софи. Она шевельнулась во сне, подобрала ноги. Я вышла в проход и уставилась в лобовое стекло: кто едет?

Катер долго не приближался, я слышала шум и не могла понять: он идет к нам, или от нас, или вообще наматывает круги. На черной воде ни черта не было видно. Бад оглушительно сопел на передних сиденьях. Я села на пол и сунула голову между спинками кресел. Все видно. Всю пустую бетонную парковку, весь пустой причал и всю бесконечную черноту воды с далекой полоской серого берега. Катер шумел ровно, не приближаясь, не удаляясь, как будто издевался. Чего ему надо? Давай приезжай уже!

Бад заворочался во сне, уличный фонарь осветил нижнюю половину его лица – мерзкое зрелище. Попробовать выйти

поискать Лысого? Я дотянулась через ноги Бада и подергала дверцу машины – мы заперты. Пить, есть и плакать захотелось еще больше. И еще в туалет. Если Лысый не поспешит, случится катастрофа. Я оглядела салон: может, где забыли закрыть окно? Все окна были закрыты наглухо. Я даже поковыряла пальцем стыки между стеклом и резинкой – нет.

Катер шумел. Может, это лесопилка какая-нибудь, а я тут размечталась? Не, ну не ночью же. Что-то он долго не приезжает. И не уезжает – тут и не такое подумается. Все мирно сопели, а я тут одна. Холодно. Пока холодно. Взойдет солнце, и все изменится за пару часов. Я слышала про детей, которых запирали в машине на солнцепеке. Брр! Спокойно! Лысый, конечно, дурак, но не убийца. Он скоро придет. Надеюсь. Если что, есть Лена. Она далеко, но она нас найдет. Всегда находит. Мы с Флер однажды забрались в школьный подвал, уже не помню зачем, маленькие были. И заблудились! Там все такое одинаковое: стены, трубы, коридоры... Заблудились. И орали там как дуры. Это мы уже потом узнали, что из нашего подвала ори не ори – ничего не слышно, тем более на верхних этажах, где классные комнаты. И просидели мы там, как выяснилось, не больше получаса, а нам казалось – полдня. Лена сразу пошла нас искать, как только мы не явились на урок. И быстро нашла. Лысый до сих пор не знает про тот случай: никто ему не сказал. Он у нас нервный.

Катер стих. На черной воде за окном по-прежнему не было ничего, кроме отблесков от фонарей. Мне показалось,

я услышала голос. В закрытой машине было еле слышно, это тебе не катер. Я опустила спинку переднего сиденья, перегнулась и припала ухом к окну. Холодное стекло. Белый шум. Как будто мы вообще одни во всем мире. Только катер и был, и тот куда-то делся. Больше всего хотелось кого-нибудь разбудить, почувствовать, что я не одна, но я держалась. Зачем-то открыла бардачок, пошарила рукой среди документов и салфеток. Если что-то съестное в машине и есть, то оно в багажнике. И воды нет! Я заглянула во все дверцы, где углубления для бутылок: пусто.

Щелкнул замок, и опустевший мир сразу ожил. Где-то зашумели машины, деревья, птицы, моторы катеров. А это просто Лысый открыл водительскую дверь и устался на Бада, растянувшегося поперек передних сидений. Мне захотелось расцеловать их обоих, но я убежала искать туалет.

* * *

Лодочник, похоже, не был готов к такой большой компании: он смотрел на нас с опаской, особенно на Бада. На его лице так и читалось: перевернет этот толстяк лодку или обойдется?

Он вообще не хотел нас сажать. После того как Лысый разбудил всех и вытащил на пристань, мы еще полчаса наблюдали немой спектакль «Лысый уговаривает лодочника перевезти нашу компанию». Лысый говорил тихо, чтоб мы не слы-

шали, лодочник все больше мычал и махал руками. Лодка была довольно большой, но все равно он явно боялся, как мы поместимся, и не хотел рисковать. Лысый беззвучно уговаривал, мы хихикали, Бад хмурился и издалека корчил лодочнику рожи. Подозреваю, что он-то его и убедил: лодочник почти не смотрел в сторону Лысого, а все больше на нас и гримасы Бада.

...Сейчас он широко загребал веслами, молчал и все поглядывал на Бада, хотя рожи тот больше не корчил, а мирно болтал с Васькой о том, что будет, если лодка перевернется. Мы быстро плыли по черной в темноте реке, и было, вообще-то, жутковато, но интересно. К тому же на нас были спасательные жилеты. Васька утверждал, что они нас спасут, а Бад – что не успеют.

Флер тарасилась на лодочника во все глаза: она сидела напротив и неустанно следила за его руками. Он греб как автомат, ни разу не сбиваясь, и мне тоже было любопытно, как он это делает. Я никогда не пробовала грести в лодке. Лысый наблюдал за нами и, кажется, заметил интерес Флер.

– По-моему, она хочет научиться грести, – обратился он к лодочнику. Тот уставился на Лысого затравленным взглядом. Такое стало лицо у лодочника, как будто Лысый его убивает. Лысого мы и сами боимся, но лодочник-то не знает, каким бывает Лысый, когда орет. К тому же сейчас он не орал, а улыбался изо всех сил. Чем, кажется, еще больше пугал лодочника.

Лодочник странно глянул почему-то опять на Бада и спросил:

– Как это?

Мы засмеялись. Лысый улыбнулся еще шире и терпеливо, как маленькому, стал этому лодочнику объяснять:

– Она очень умная. Одна из самых умных в классе. К тому же здорово умеет обезьянничать. Уверен, она уже все запомнила, глядя на вас, осталось только объяснить детали...

Теперь лодочник смотрел на Лысого как на дурака. Это, вообще-то, правильно – но откуда он знает? На всякий случай лодочник перестал грести и осторожно переспросил:

– В классе?

Лысый терял терпение. «Голос для маленьких» он сменил на «голос для маленьких дураков». Это не так страшно, как для больших, но уже не самый приятный голос.

– Я же говорил вам, что мы экспериментальная школа-интернат, это мои ученики. Мы едем на дачу. И поскольку все лето они проведут на острове, а плавать никто не умеет...

– Как это? – переспросил лодочник, и мы опять заржали.

– Увы! Мой класс единодушно не любит воду. Но, кажется, Флер было бы интересно попробовать грести. Не могли бы вы ей показать...

Я думала, он опять скажет «Как это?», и заранее заржала. Вышло глупо, потому что он вообще ничего не сказал. Он встал и жестом предложил Флер поменяться с ним местами. Они ловко пересели, и теперь лодочник включил «голос для

маленьких»:

– Значит, тебя зовут Флер?

– Ну да.

– А меня дядь Саша. Ты учишься в школе?

– Ну да...

Мы захихикали, но Лысый исподтишка показал нам кулак.

– «Флер» по-французски значит «цветок»?

– Ну да, – неоригинально ответила Флер, и мы опять заржали.

– Ты француженка?

– Я из Африки, – терпеливо ответила Флер. – Там не только акулы и гориллы, но и франкофоны. Как я.

Лысый покраснел, Бад взвизгнул от хохота, и мы чуть не опрокинули лодку. Только дядя Саша не нашел что ответить. Он велел Флер взять весла и попробовать грести.

Флер налегла на весла изо всех сил, я думала, мы сейчас одним взмахом окажемся на острове, но нет. Лодка, если и сдвинулась, то совсем чуть-чуть.

– Не погружай так глубоко. Чуть-чуть, вот на столечко. – Он показал полпальца, и лодка тут же рванула вперед.

Флер гребла с совершенно счастливым видом, берег приближался. Она так размахалась веслами, что выдернула одно, но быстро сообразила, как приладить обратно. Более счастливая мина, чем у нее, была, наверное, только у самого дяди Саши. Он улыбался до ушей и повторял: «Молодец,

молодец», – уже нормальным человеческим голосом, иногда бубня под нос что-то вроде «Ну надо же!». Похоже, он не верил, что у Флер получится так ловко.

Лео сидел на корме ко мне спиной, но за Флер наблюдал, повернувшись вполоборота.

– Я тоже хочу! – попросил он у Лысого, и тот велел Флер поменяться с ним местами.

Флер встала, улыбаясь до ушей – много ли надо для счастья? Лео все еще держал в руках свою гитару. Я хотела, чтобы он отдал ее мне, но протянуть руку постеснялась. Он отдал ее Софи и прошел мимо меня в середину. Флер уселась к Софи и стала делиться впечатлениями. Я не слушала, о чем они болтают, я смотрела на Лео. Он сел на весла и, не дожидаясь, пока дядя Саша полезет с детскими вопросами, начал грести. Получалось у него не так, как у Флер, но все равно здорово – ведь это делал Лео. Дядя Саша смотрел на него во все глаза, отвлекаясь только для того, чтобы бросить взгляд на бас, оставшийся у Софи. И все-таки он спросил:

– Ты правда умеешь на гитаре?

– Умеет-умеет! – ответил за Лео Лысый.

Флешбэк-2

Лео и Бад

Лео приехал к нам прошлой зимой по обмену – и сразу же заболел. Лена говорила, что на его родине не бывает таких суровых зим, но он обязательно привыкнет. Лео лежал в больничном крыле в наглухо закрытой палате, мы даже не знали, как он выглядит, и очень скоро забыли об этом призрачном новеньком, который не переносит холода. Мы ходили на уроки, ссорились с Бадом как ни в чем не бывало, пока однажды кто-то из нас, кажется Софи, не вышел утром во двор и не услышал музыку. Лысый целыми днями крутит нам песенки, но это была другая музыка: играл один инструмент, и совсем не было слов. И раздавалась она не из комнаты Лысого, а из другого конца школы, где изолятор.

Мы все побежали туда, но дверь в палату была по-прежнему наглухо закрыта. Мы сели рядом и слушали – это было реально здорово. Лысый нам ничего похожего не включал.

Потом пришли мальчишки и, вместо того чтобы стучать в дверь и орать, как обычно при виде закрытой двери, тоже сели послушать. Они сидели тихо-тихо – никогда не видела, чтобы Бад так себя вел. Он даже не лез ни к кому драться, сидел и слушал.

Я не знаю, сколько это продолжалось, но когда Лена нас нашла, то очень удивилась. Сказала что-то Лысому, и очень

скоро в классе появились бас-гитары и усилители.

Лео еще болел, но Лысый сказал, что пока обойдемся без него. Целыми днями мы мучили инструменты и свои пальцы: дергали струны, нарабатывая мозоли, почти забыв про математику и языки. В этом прелесть и беда экспериментальных школ вроде нашей: что учителю в голову взбредет, то и делаем. Но тогда никто не возражал: всем хотелось научиться играть так же здорово, как этот невидимый новичок. Первую неделю. На вторую лично я гитару возненавидела.

По вечерам мы с Флер мерялись мозолями на левых руках, и каждый раз у меня были больше и уродливее. Софи над нами смеялась и предлагала померяться мозолями на седице. А я про себя думала, что она права и что еще немного – и мы наживем мозоли и там, и моя опять будет больше. Самой Софи гитара нравилась, но звуки, которые она извлекала, были ужасны, как, впрочем, и у всех у нас. Особенно паршиво выходило у Бада.

Когда у Бада что-то не получается, он швыряет предметы на пол и уходит в угол дуться. Потом получает втык от Лысого, возвращается, и все начинается заново. К концу урока рисования, например, пол усеян рисунками, угадайте чьи? А с гитарой – нет. Бад пыхтел и дергал струны вместе со всеми, и его гитара издавала ужасные звуки, но он держался. Его обычной вспыльчивости хватало только на то, чтобы потихоньку пожаловаться Лене, что у него не получается.

А через неделю в классе наконец появился Лео. Его при-

вела Лена, сказала, что он недавно приехал и еще не совсем адаптировался, чтобы мы его не обижали и что там еще говорят в таких случаях. Меня, как и Софи, и Флер, просить о таком не требуется, а вот Бад его сразу невзлюбил. Первым делом он ему врезал, отправился в угол и стоял там до конца урока. При этом все время оборачивался, корчил рожи и показывал всякие знаки то Лео, то Ваське с Руди. Эти двое, повинувшись своему командиру, тоже начали задирать Лео. Он, понятно, им отвечал... К концу урока в одном углу стояли все мальчишки и Флер, которая случайно уронила стол на ногу Лысому, укрываясь от летающих по классу предметов.

А следующим уроком была музыка. Лысый вызвал Лео и попросил показать нам, что тот умеет. Лео, не чуя подвоха, заиграл, и это было здорово. Это было так здорово, что я как-то сразу поняла: мне так не научиться. Вот никогда. И, мне кажется, то же самое понял Бад. Мне трудно поверить, что он вообще хоть что-то понимает, но тогда, кажется, понял. Он сдался.

Он грохнул свою гитару об пол и демонстративно уселся в угол скрестив руки. Даже не полез лупить Лео, явно расстроился.

Ух, как Лысый взбесился тогда! Он с ума сходит, когда его не слушаются. Он пытался выгнать Бада из класса, но тот не желал двигаться с места. Лео еще играл, а за Бадом взбунтовались Руди и Васька, они все за ним повторяют, а потом и мы, девчонки, потихоньку сложили гитары.

Хорошо, что Лена была с нами и не дала Лысому наказывать всех! Она сказала, что если мы не хотим, то и не надо нас заставлять, все равно ничего не получится.

Глава III

Странный дом

Нас высадили, наверное, у самого дальнего берега, с него вообще не было видно других островов – только вода-вода... Мне так показалось. От этой воды у меня еще в лодке закружилась голова, и даже сейчас на берегу мне казалось, что все вокруг покачивается и рябит. В спину меня кто-то толкнул, я отошла от лодки и присела на поваленное дерево.

Наши еще высаживались. Софи стояла посреди лодки и всем мешала. Она странно оглядывалась, будто чего-то ждала:

– Леня, разве здесь старый корпус?

Лысый хихикнул:

– Забыла все, да? Ты совсем маленькая была, когда его закрыли на ремонт. Сейчас тут все по-другому, вот увидишь.

Софи рассеянно перелезала через борт лодки, в шаге от пристани. Конечно, ступила в воду. Мне смотреть на нее было холодно, а она как будто не заметила:

– погоди, Лень! Там деревья были...

– Что, выше? – Лысый заржал.

Софи замолчала, шагнула на берег. С ее мокрой ноги тут же налилась лужа, но Софи как будто не видела. Она отломала с куста веточку и принялась нервно жевать.

Я сидела на своем бревне, смотрела, как высаживаются

остальные. В глазах еще рябило от воды, и еще я успела жутко замерзнуть на этой реке. Флер выгрузилась одна из последних, подошла ко мне:

– Ты чего?

– Мерзну.

– Не холодно же!

Я не стала спорить.

От пристани шла единственная вытоптанная тропинка куда-то в глубину леса. Корпуса как такового и видно не было за деревьями. Светало. Над головой орали птицы.

Мальчишки уже удрали по тропинке куда-то в лес. Софи так и стояла на берегу, жуя свою веточку. Лысый болтал с дядей Сашей.

– Веселая компания у вас, а? И как только справляетесь!

– Молча, – ответил Лысый и показал жест: все в порядке.

– Ну, если что – звоните.

– А у нас тут лодка есть.

Лодочник кивнул и отчалил. Лысый поднял с берега свой огромный рюкзак, надел:

– Чего стоим, девчонки?

Я задумалась и девчонок и Лысого догнала только на дорожке к корпусу. Софи так и плелась в хвосте и, кажется, еще пыталась о чем-то спросить Лысого, но он отмахивался.

Мы уходили дальше в лес, но темнее уже не становилось, был виден каждый камешек под ногами, каждый несчастный листик, и впереди за редющими стволами уже показался ма-

ленький домик из красного кирпича. Мальчишки уже торчали во дворе и заглядывали в окна, подтягиваясь на подоконниках.

– Там были деревянные корпуса, – сказала Софи.

– Сгорели? – спросила Флер.

– Сгнили, – вмешался Лысый. – Хватит глупости болтать: еще не вошли, а вам уже что-то не нравится.

Мы с Флер стали уверять его, что нам все понравится, лишь бы он отстал. Софи помалкивала. Деревья, дом, тропинку она рассматривала поджав губы.

Я шла следом, предвкушая, как сейчас завалюсь спать после этой жуткой ночи. В машине разве выспишься?

Дом снаружи я толком не разглядела – успела заметить, что он яркий, и все. На крыльце я думала, что Лысый полезет за ключами, а он окликнул мальчишек, висящих на окнах, нажал дверную ручку и вошел.

В нос мне ударил странный тяжелый запах пыли и гнили. Я вошла за Лысым и тут же поискала, где сесть. Запах был жуткий. Как будто в доме на пару месяцев забыли ящик мяса и немного банановой кожуры.

– Фу, что здесь было?! – Бад вошел, зажимая нос. Я наконец увидела большой светлый диван посреди комнаты и с удовольствием села. Сразу стало легче, даже запах чуть притупился.

Лысый растерянно потянул носом:

– Не знаю. Тут вроде должна быть уборщица.

– Какая еще уборщица? По-моему, ее уже давно нет.

– Не ворчи... – Лысый уставился куда-то вверх и завопил: – Петровна! Мы приехали! Ты жива тут вообще?

Откуда-то сверху послышались шаги. Прямо за диваном была лестница на второй этаж, откуда быстро спускались ноги в резиновых шлепанцах. На середине пути они замерли, и странный голос произнес:

– А я вас не ждала...

– А мы вот они! Авария в новом корпусе, так что принимай жильцов. Что у тебя за вонища в доме?

Ноги зашагали вниз, медленно и тяжело, будто хозяйка весит не меньше тонны. Когда она спустилась целиком, я увидела темно-синий халат и много-много седых волос, шапкой обрамляющих лицо.

– Холодильник сломался. – Со своей лестницы она спустилась прямо ко мне. Я встала и шагнула навстречу. Перед глазами тут же забегали разноцветные зайчики, и я почувствовала, что опять падаю в яму, как много лет назад.

* * *

Кажется, я падала целое лето. Спала, но так и не смогла выспаться. У меня болели голова и горло, и мне даже снилось, что они у меня болят. Иногда я видела сервала. Он лежал в том же углу, в той же клетке, с теми же бинтами и капельницами, и меня это не удивляло. Казалось, что я опять в

Африке, в том же госпитале, где валяются сервалы по углам, потому что им тоже больно. Больно было, да.

Иногда ко мне кто-то приходил, чтобы сделать укол или дать сиропа с запахом трав. От сиропа жутко хотелось пить, но, когда я просила, меня не слышали. Так бывает в страшных снах: изо всех сил бежишь – а сама остаешься на месте, орешь – а не выходит ни звука.

Мой воображаемый сервал не выздоравливал. Лежал, обмотанный своими бинтами, иногда разевая рот в беззвучном шипении. Мне казалось это в порядке вещей: я болею, он болеет. Когда ему станет лучше – значит, и мне.

Постепенно я научилась определять ход времени. Первый укол, самый противный, был с утра, когда за окном орали птицы и, кажется, пробивалось сквозь шторы какое-то солнце, потому что подушка с той стороны была горячей. За ним следовал сироп, и до обеда меня оставляли в покое. В обед громко двигали стулья, звенели ведром, и, кажется, мою кровать тоже двигали. Мое воображение дорисовывало швабру, тряпку и ноги в резиновых тапочках поверх носков, синий халат, растрепанные седые волосы. Она гуляла туда-сюда по моей маленькой комнате, орудуя своей шваброй, резкая, как будто хочет протереть пол насквозь, и сервал на нее шипел. Наверное, это меня в ней пугало – то, что ее невзлюбил сервал. Глупо, ужасно глупо, но при виде ее мне становилось не по себе. Я старалась разглядеть получше ее тапочки, только чтобы не поднимать глаза. Еще меня преследовал этот запах

тухлятины и пыли. Казалось, он исходил от меня самой, я чувствовала его постоянно. И даже эта женщина, пахнувшая тряпкой, не перебивала его, а просто добавляла общей атмосфере новых нот.

Заканчивалась уборка очередным сиропом, и низкий голос говорил: «На, Джерри». Я пыталась сказать, что меня зовут Жули, но никогда не получалось. Вечером мне наконец-то давали воды: те же пальцы, пахнувшие тряпкой, проталкивали в рот носик поильника. Я выпивала его за пару глотков и просила еще, но за водой неминуемо следовали сироп и еще один укол под тот же голос: «Потерпи, Джерри». «Меня зовут Жули», – напрасно пыталась сказать я, а потом наступала ночь.

Ночью мой сервал пропадал из виду. Будто не его, а мою клетку накрывали пледом со всех сторон, чтобы животное не пугалось и спало себе. Ночью я как будто и не спала. Я лежала и слушала звуки вокруг, все еще не понимая до конца, где я. И я слышала только птиц. Никаких человеческих звуков: топота, скрипа половиц, голосов, даже телевизора или шума воды в туалете. Я была совсем одна в этой тишине, если не считать птиц за окном.

Тогда я думала о Лео. Если бы он был здесь, хоть вечером, хоть днем, я бы слышала его гитару. Я привыкла ее слышать с утра до вечера, а иногда и по ночам. Тогда бы Лысый сразу прибежал с воплями, но ничего этого нет. Да и остальные наши не могут не шуметь. Где я вообще? И куда улетает по

ночам эта в тапочках? Когда она уходит по вечерам, она как будто испаряется сразу за дверью, я не слышу звука ее шагов.

...А утром она опять приходила с сиропом. Так прошло трое суток с того момента, как я научилась их считать. А потом сервал исчез. Вместе с той комнатой, где я его видела.

* * *

Комната теперь была другая, не та, большая, внизу, где я провалилась в яму, а очень маленькая. Две кровати (на второй пусто), стол, два стула, окно, дверь в ванную. В окно пробивался солнечный луч, и тень от рамы лежала на полу огромным крестом. Тихо. Ужасно тихо, даже птицы не кричат.

С той стороны кто-то резко нажал дверную ручку, дверь открылась. На секунду мне показалось, что я все еще в бреду – настолько эта женщина была похожа на ту, что рисовало мое воображение, воспаленное болезнью. Тогда, пока я болела, мне представлялась какая-то баба-яга, которая ухаживала за мной, и сейчас она была в моей комнате. Резиновые тапочки поверх носков, темно-синий халат, некрасивое старое лицо. Серые волосы торчат в разные стороны, обрамляя голову как шапка из барана. Глаз как будто и не было толком: маленькие, светлые, не сразу разглядишь под нависшими тяжелыми веками...

Я инстинктивно отпрянула от нее в сторону окна и выдер-

нула из руки катетер. Боль резанула руку, и простыня тут же окрасилась красным. Пластырь с прилипшими волосками болтался на руке лоскутком, на нем висел катетер с длиннющей иглой. Не знала, что они такие.

– Джерри! – Женщина, пахнувшая тряпкой, шмякнула на тумбочку поднос со шприцем и бутылкой сиропа. Бутылка опрокинулась, ударилась о поднос и тут же залила его розовым густым киселем.

– Черт! – Она бросила на меня быстрый взгляд, и я пожалела, что проснулась. Она зыркнула еще раз, и я захотела позвать Лысого.

– Ваш учитель уехал в город, – сказала она ни с того ни с сего. – И оставил вас на меня. И вот что получилось. – Она кивнула на мою залитую постель. Кровь еще капала. Капельки скатывались по коже и застывали бусинами на простыне, уже насквозь красной, как будто убили кого. Женщина, пахнувшая тряпкой, покачала головой: – Аккуратнее, Джерри!

– Меня зовут Жули.

– Вот и жди теперь, пока я все уберу.

Она вышла, и мне сразу стало легче. Я села на кровати и выглянула в окно. Двор, дорожка, уходящая к реке, деревья. Никого наших не было на улице. Не проснулись еще? Я стала гадать, сколько я здесь провалялась. Три дня я помню, но их было больше, остальные слились в один полусон. Пять? Десять? И почему, наконец, в доме так тихо?!

Я потихоньку встала – и у меня тут же закружилась голова.

Комната поплыла перед глазами, но я устояла. Долго же мне пришлось лежать! Я вцепилась в спинку кровати, вдох-выдох, и половицы уже не мелькают перед глазами, а лежат как им полагается. Я постояла еще немного, давая голове встать на место, и потихоньку отпустила спинку кровати. Порядок. Пол под ногами, потолок над головой, можно идти.

Я благополучно дошла до двери, открыла, шагнула в коридор. Тихо. В своей комнате я слышала хотя бы пение птиц за окном, а сейчас, едва закрыв за собой дверь, опять окунулась в эту жуткую тишину. Показалось, что я еще сплю или даже проснулась, но где-то не там. Засыпала здоровая в доме, где полно народу, а проснулась больная и одна. Если не считать женщины, которая пахнет тряпкой. Да и той не слышно.

Длинный ряд дверей в коридоре, за которыми должны спать мои одноклассники. Ну да, скорее спят – иначе почему так тихо? Я не выдержала, дернула на себя ближайшую дверь, и она не поддалась. Тогда я толкнула – заперто. На своей двери я не видела задвижки, только замок для ключа, неизвестно зачем, но он там был. Они были во всех дверях, эти замки. Может, они захлопываются и мне надо было взять ключ? Я толкнула свою дверь – открылась. Не захлопывается. Я подумала постучать и зачем-то обернулась на лестницу, ведущую вниз, в гостиную. Прямо на меня по лестнице поднималась женщина, пахнувшая тряпкой.

Я быстренько драпанула к себе в комнату и плюхнулась на кровать. Сердце колотилось, рискуя выпрыгнуть. Я пре-

красно понимала, что женщина, пахнувшая тряпкой, не может быть опасна, что она, в конце концов, ничего мне не сделала, она меня лечит, она хорошая. Но злить ее очень не хотелось.

Почти сразу дверь толкнули, и вошла женщина, пахнувшая тряпкой.

– Не вставай, Джерри. Тебе нельзя вставать.

Я даже не стала ее поправлять в этот раз. Отчего-то ее лицо не располагало к спорам. Нет, когда мне надо, я и с Бадом поспорить могу, и с Лысым. Но эта – она другая. В ней было что-то странное, что пугало.

– Джерри, лежи. У тебя температура.

Да, у меня температура. Фигня всякая в голову лезет.

Я лежала (красное пятно противно липло), и женщина, пахнувшая тряпкой, принялась лепить килограмм пластыря на мою больную руку. Потом она достала свежий катетер и стала дырявить мне другую руку. Она попала не с первого раза, но я все стерпела.

Когда она закончила, я спросила: «Где все?» – но она опять отмахнулась. Кажется, она не понимала меня. Или не хотела понимать.

Физраствор бежал по трубочке, и у меня опять все плыло перед глазами. В лодке, что ли, простудилась или ночью в машине? Какая теперь разница, когда меня лечит женщина, пахнувшая тряпкой и Лысого рядом нет.

Она возилась со склянками на тумбочке, я потихоньку

рассматривала ее лицо. Я наконец поняла, что меня пугало: она выглядела неживой! Однажды Лысый приносил нам резиновые маски, которые надевались на голову чулком. Мы носились по школе, изображая кто старуху, кто старика, кто непонятную кикимору. Вот женщина, которая пахнет тряпкой, – она была будто с ног до головы в таком костюме. И маска, и руки-ноги – вся как будто неживая. И эти маленькие глаза под нависшими веками вполне укладывались в мою версию с маской. Хотелось ущипнуть за локоть и услышать, как щелкнет по коже холодная резина. Я побоялась.

Она перехватила мой взгляд, зыркнула, и я тут же сделала вид, что рассматриваю пятно на своей простыне. Где-то в голове застучал пульс, и та ниточка, которая связывает человека с животным миром, натянулась в груди струной и дзенькнула: «Беги!» Я даже дернулась в сторону двери, но под взглядом этой женщины сделала вид, что хочу почесаться.

– Тебе нельзя вставать, Джерри, – повторила она. Пустые пузырьки из-под лекарств торчали из ее кулака в разные стороны, как пятерня сервала с огромными когтями. – Мне надо уходить. Я могу быть уверенной, что ты опять не выдержишь капельницу и не отправишься гулять?

Кажется, это был первый раз, когда она обратилась ко мне с вопросом. Рука со склянками уперлась прямо мне в лоб: если я сейчас кивну – обязательно задену. Они не пахли ничем таким, эти склянки, и не выглядели опасными, но мне

не хотелось к ним прикасаться.

Ее нависающие веки нависли еще больше, зашевелились седые редкие брови, на месте глаз я видела только смутный блеск будто капелек воды. Я ее разозлила. Я вжалась в подушку головой и коротко кивнула. Еле-еле, сама почти не заметила этого движения, но все-таки я задела склянку.

Она выскользнула из пальцев и больно шмякнулась мне на руку. Женщина, пахнувшая тряпкой, забрала склянку и улыбнулась:

– Я не верю тебе, Джерри. Но я рада, что ты выздоравливаешь, раз у тебя появились силы проказничать. Я тебя, пожалуй, запрю. – Отвернулась и пошла.

Я не смела ей возражать, но у самой двери она обернулась, как будто извиняясь:

– Пойми, тебе сейчас нужно лежать. Я не хочу, чтобы ты снова заболела. – Вышла. Хлопнула дверь. Два раза повернулся ключ в замке.

На улице орали птицы и шумели деревья под окном. Я представляла себе, как там сейчас здорово: утром не жарко, не холодно, а в самый раз, чтобы носиться по двору и гонять мяч или рисовать новые пейзажи. Я же здесь еще ничего толком не видела. От расстройства подступали слезы, а от них опять захотелось спать. Уже в тумане я слышала, как хлопнула соседняя дверь и кто-то торопливо прошел в сторону лестницы. Потом опять тишина. Короткая. Всего несколько секунд, а затем топот-бег обратно и хлопок той же двери.

Кто-то вышел на лестницу и быстро передумал.

Глава IV

Птицы на чердаке

Я проснулась оттого, что кто-то возится у меня в комнате. Вокруг было уже темно. Я вжалась в подушку и таращилась в темноту, но видела только белую раму и блестящий штатив капельницы. Трубка на нем висела свернутая в кольцо, как будто выжидая утра и новых вливаний.

– Джерри!

Я завопила. От ужаса, что она здесь, а я ее почему-то не вижу, что она, может быть, была здесь все это время, а я спала и не знала, что она вообще есть и рядом со мной. Чего она хочет?!

Это длилось всего пару секунд. Потом из темноты выступило ее неживое лицо, обрамленное мочалкой седых волос, и я сразу онемела. Я по-прежнему не видела ее глаз, но прекрасно знала, что она мной недовольна.

– Хочешь весь дом перебудить?

Я молчала. Как-то до обидного быстро я привыкла, что она меня не слушает, и уже не пыталась ей отвечать. Еще немного – и я привыкну, что я Джерри. На ней был тот же темный халат, что и днем, от этого казалось, что голова и кисти рук свободно парят в воздухе без всякого тела. Она стояла над моей кроватью, сжимая что-то в кулаке.

– Выпей таблетки и спи. – Она ловко открыла мне рот и

сунула туда две или три противные горькие пуговицы, повернулась и вышла. Когда в замке повернулся ключ, я уже выплюнула в ладонь три разноцветные таблетки и шарила на тумбочке в поисках чем бы запить. Воды она не принесла. Пришлось идти в ванную пить из-под крана, хоть я этого терпеть не могу. Таблетки я смыла туда же, в слив раковины, и даже умылась.

Только когда я выключила воду, по коридору затопали удаляющиеся шаги. Ждала, запью я или нет? Контролирует? Вода стояла в горле комом. Не буду ничего принимать из ее рук, да и дает она какую-то гадость. Раньше никаких таблеток мне по ночам не давали – с чего это ей вздумалось?

Без нее я чувствовала себя офигенно смелой. Во рту еще бродил горький вкус. И все-таки я пошла против женщины, пахнувшей тряпкой. Я прямо гордилась своим маленьким бунтом. Я даже не стала ложиться, а уселась на подоконник: вот как я могу, когда ее рядом нет! Чего я вообще ее боюсь? День, когда я потеряла сознание при виде ее, а потом еще болела – похоже, он это определил. Но она же ничего мне не сделала? Она не страшная!

Уличные фонари во дворе не горели, я видела только листья деревьев напротив окна и светлую тропинку внизу, ведущую к реке. Ужасно захотелось туда, на волю: там лучше, чем здесь, в запертой комнате, во власти женщины, пахнувшей тряпкой. А что мне мешает?

Я потихоньку открыла окно. Ноздри тут же обжег свежий

воздух: долго же я сидела тут в духоте! Меня оглушил шум листьев и плеск реки. Женщина, пахнувшая тряпкой, не то чтобы показалась незначительной – ее просто не стало. Не было ее здесь. А я была. Я уселась на подоконнике, свесив ноги на улицу, и болтала ими, наслаждаясь своей маленькой свободой. Попыталась заглянуть в соседние окна: света нигде не было. Все спят. Если здесь вообще кто-то есть. Я вспомнила всю тишину последних дней, и внутри опять защекотал этот страх: а если мы здесь одни? Только я и она – и все? Надо выяснить.

Кирпичная стена с множеством выступов, достаточно широких, чтобы без проблем разлеглась кошка, она так и тянулась, эта стена. Я сама не заметила, как шагнула с подоконника на выступ, с выступа – на водосточную трубу – и очнулась уже подтягиваясь, наполовину на крыше.

Ветер приветливо свистнул в уши, я вскарабкалась на князек и уселась верхом. Жесть была еще теплой, сверху нависали пушистые лапы сосен – можно я здесь останусь? С высоты была видна только чернота внизу, и листья близких деревьев, и рыжие стволы сосен. Последний раз мне было так здорово уже не помню когда. Надо будет позвать сюда Флер и Софи. Если они здесь, им понравится. Мальчишкам, конечно, тоже, но они не умеют сидеть тихо, перебудят всех, и запрут от нас крышу. Не знаю как, но когда Лысому надо, он способен создать препятствие из ничего. Если он здесь. Интересно, где комната Флер? Если она здесь. Скорее всего,

по одной стороне со мной...

Я потихоньку сползла по скату и, зацепившись ногами, нависла над ближайшим окном. Если это окажется комната женщины, пахнувшей тряпкой, я пропала.

Я нависла над неосвещенным окном. На секунду оно мне показалось меньше моего, но тогда я не обратила внимания. Я прислонила ладони к стеклу, заслоняясь от света, и рамы со скрипом поддались.

От неожиданности я чуть не свалилась вниз. Успела зацепиться руками за козырек, задать ногами направление – и аккуратно приземлилась в чью-то комнату.

В ноздри ударил запах пыли и гнилого мяса. Тот самый, что не оставлял меня все эти дни: здесь он царствовал. Вокруг меня поднялся целый рой мух, они кружили надо мной, зудя как ненормальные. Несколько тут же уселись мне на лицо, я отмахнулась, но они атаковали снова. Я стояла на четвереньках на полу, слушая это жужжание, и каждым пальцем чувствовала слой грязи и какого-то мусора. Чья ж это комната?

Первое, что уловил мой глаз, едва привыкнув к темноте, было две кровати, составленные в углу одна на другую. Такие же, как моя, только матрасов на них не было. Тут же баррикадой стояли тумбочки, поставленные столешницами одна на другую. Рядом громоздилась пирамида стульев.

Чердак! Надо же так промахнуться! Нет, это только я так могу! Когда мы с Флер и Софи выберемся на крышу, пожа-

луй, не буду им об этом рассказывать.

Под ногой хрустнуло что-то маленькое, подняв новый рой мух. Они зудели как целый самолет, я испугалась, что кого-нибудь разбужу таким макарон. Я отступила, глянула... В темноте, отбиваясь от мух, я не сразу поняла, что это такое. Больше всего было похоже на веник, но какой-то плешивый и слишком мягкий. Я даже взяла это в руки, чтобы рассмотреть.

В окно еле проникал лунный свет, но я увидела. Это была огромная птица с распростертыми в вечном полете крыльями, в три ладони каждое. Должно быть, сова, но я не поняла. Потому что головы у нее не было. Из обрывка шеи еще сочилась кровь, она поблескивала в полумраке, и обмануться было нельзя. Свежая.

Вспугнутые мухи тут же налетели обратно и облепили блестящий липкий сгусток крови шевелящейся серой кашей. Я отбросила птицу, попятилась к окну – и под ногами опять что-то захрустело. Я не хотела смотреть, что это. Хотела уйти в окно и больше сюда не возвращаться. Но инстинктивно глянула под ноги и увидела ковер.

То, на что я приземлилась, попав на чердак, оказалось ковром из обезглавленных птиц. Большие, маленькие, белые, пестрые, я не различала их в этой куче. Только черные в темноте лунки на месте голов, как дыры в ковре, их было нельзя не заметить.

Черт! Я вспрыгнула на подоконник и поджала ноги. Лу-

на вышла из-за облаков и осветила почти всю комнату. В общей куче я увидела рыжие беличьи хвосты, они обвисли сосульками, потускнели, но все-таки были узнаваемы. Что это?! Кому это понадобилось?! И зачем он складывает убитых животных здесь?!

Под кроватью лежало что-то большое и покрытое шерстью. Я видела хвост, обвисший унылой плетью, кожу, обтягивающую скелет без давно истлевшего мяса. А головы не было. Господи, где я?!

* * *

Не помню, как очутилась снова на крыше. Помню, что сидела там долго-долго, вцепившись в князек, пока не начало светать. Заорали птицы как ни в чем не бывало. Я подумала о тех, что на чердаке, и меня затошнило. Окно за собой я, конечно, не закрыла и видела теперь, как туда залетают новые и новые мухи. Я слышала это жужжание и думала, что сойду с ума здесь, на крыше верхом. Эти птицы – откуда они там? И свежая, среди них была свежая – значит, этот, который отрывает головы птицам, он еще здесь, на острове. Скоро меня хватятся. Надо лезть к себе.

Я потихоньку сползла с крыши – все-таки залезать было проще, чем слезать обратно, – кое-как добралась до своего окна, хорошенько закрыла рамы и стряхнула грязь с подоконника.

Уже засыпая, я подумала, что мне все это приснилось или я сошла с ума. В Африке, когда мы лечили животных, Лена говорила, что высокая температура может вызвать отек мозга. Не знаю, что это такое, но прямо чувствую, что у меня отекли мозги.

Глава V

ЛЫСЫЙ и КОТЕНОК

Она разбудила меня, наверное, через три минуты после того, как моя голова коснулась подушки. Махнула рукой перед лицом, забив мне ноздри запахом тряпки, и я тут же открыла глаза.

– Не дергайся, Джерри, если не хочешь опять залить простыню.

Пятно на простыне подсохло и обрело странный коричневый цвет. Если согнуть простыню, засохшая кровь отваливалась мелкой корочкой.

– Меня зовут Жули.

Она молча пристраивала капельницу. Жутко хотелось спать, но рядом с ней было страшно находиться с закрытыми глазами. И с открытыми. Я таращилась на ее руку в синей медицинской перчатке. Она ловко воткнула капельницу и налила мне очередную порцию сиропа:

– Не засыпай, ты мне понадобишься через час.

Я сразу проснулась. Сироп застрял в горле комом горячей каши. Женщина, пахнувшая тряпкой, невозмутимо закручивала бутылочку. Зачем? Что она еще придумала? Эта неживая женщина без глаз – чего она от меня хочет?! Перед глазами встал чердак и та свежая обезглавленная птица.

А если она заметила, что я выходила ночью?

Я закашлялась, и спазмы в горле вытолкнули всю ложку сиропа разом. Я угодила прямо ей на халат, почти в нагрудный карман. Ужас заставил вдохнуть, и горло схватил новый спазм. Я кашляла так, что думала, меня вырвет. А эта орала.

– Джерри! – Она схватила полотенце, мазнула несколько раз по пятну. Розоватый сироп размазался огромным кровавым пятнищем. – Вот что ты наделала?! – Она шлепнула этим полотенцем меня по физиономии. Запах тряпки врезал по ноздрям как кулаком, и меня все-таки вырвало.

Выпитая вода с остатками сиропа и кислотой плюхнулась на одеяло желтым пятном. От ужаса я не знала куда себя деть. Хотелось бежать, но я была привязана к капельнице.

– Ты что, издеваешься?! – Она вскочила резко, я думала, она меня опять ударит. Но она вылетела из комнаты, не забыв запереть дверь.

Несколько секунд я сидела на кровати, боясь пошевелиться, все казалось, что она вернется и тогда... Быстрые шаги по коридору, потом вниз по лестнице, хлопнула дверь – и тихо. Отчего так тихо, где все?

Я перевернула одеяло пятнами в ноги и легла. За окном орала птицы, было слышно даже сквозь закрытый стеклопакет. Где-то на моем этаже включили воду, подвинули что-то тяжелое, что-то уронили. И я опять провалилась в сон.

* * *

– Этак всю жизнь проспидишь, и что потом вспомнить?

Лысый! Я вскочила на его голос, забыв о капельнице. Он сидел у моей кровати, небритый, сонный, пахнувший рекой и бензином. Явно только приехал.

– Я скучала. Где ты был? – Никогда не думала, что скажу это Лысому. Терпеть его не могу, а тут обрадовалась.

– Ездил помогать в новом корпусе. Там серьезная авария, до конца лета могут провозиться.

– До конца лета я не выдержу! – В носу толкались непрощенные слезы. Я сама от себя не ожидала тогда, разревелась прямо при нем.

Лысый тоже не ожидал. Он тарачился на меня через очки и смаргивал, будто пытался прогнать наваждение.

– Да что с тобой? Петровна говорила, ты простудилась...

– Она злая! Она запирает меня и называет чужим именем...

– Обзывается, что ли?

– Нет...

– Послушай, она просто еще не привыкла к вам... Она до пенсии работала медсестрой во взрослой больнице и своих детей не нажила. Она боится тебя больше, чем ты ее, потому что не знает, что с тобой делать.

– И орет...

– Ты тоже орешь, когда чего-то боишься.

– И пахнет тряпкой...

– Потому что во всем доме убирается она одна. Вот вы-здоровеешь – будешь ей помогать.

У Лысого на все был готов ответ. Только вот эти, на чердаке... Птицы. Лысый уже протягивал мне пачку салфеток вытереть нос. Я надорвала ее, высморкалась от души, и все равно, все равно...

– А те птицы... Птицы на чердаке!

Дверь приоткрылась, и вошла женщина, пахнувшая тряпкой. Я не слышала ее шагов – похоже, все это время она стояла под дверью.

– Что за птицы на чердаке? – Лысый выжидательно смотрел на меня – и эта, эта тоже смотрела!

Глаза-капельки под нависающими веками. Я не видела, что там, в глубине тех капелек, а если бы увидела, наверное, завопила бы. Ее взгляд разом помог мне понять очевидное. Если она все время жила здесь одна и убирала дом одна, то она точно знает про птиц! И про сломанный холодильник со-врала неспроста. Это ведь тот самый запах, который разли-вается по всему дому, который оглушил меня в первый день, когда мы только приехали. Просто она, наверное, привыкла, и ей кажется, что не так уж он силен. Она точно знает про птиц! И, если она их до сих пор не убрала, значит, они ей нужны.

Хотя, может, мне повезло и она не псих, а просто неря-

ха. Не поменяла же она мне до сих пор залитый кровью одеяльник. И чердак разгрести поленилась. Поленилась или забыла? Я по телику видела, что сумасшедшие часто пренебрегают элементарной гигиеной. У них слишком много всего блуждает в голове, чтобы еще помнить о подобных вещах.

Она смотрела на меня. Псих или неряха, но я предпочла сказать:

– Птицы на чердаке орут по утрам.

Лысый засмеялся. И эта, она тоже засмеялась, вот в чем дело. Значит, она все-таки понимала, что я говорю?

– Не грусти. Я привез тебе подарок. – Куртка Лысого तोпорщилась. Я, конечно, сделала вид, что мне страшно любопытно, что там, и сама оттянула край куртки. Я увидела полосатый мех, черный носик и уши – большие, треугольные с белым мехом внутри... Котенок! Я осторожно одной рукой вытащила мелкое теплое чудо, оно зевнуло и негодуяще затрясло головой, недовольное, что разбудили.

Он потянулся у меня на одеяле, выпустив тонкие когти-иглочки, и пошел гулять по кровати, обнюхивая все вокруг.

– Нравится? – спросил Лысый.

– Еще бы!

– Какая прелесть! – взвизгнула эта – и меня как по башке ударило. Перед глазами встало то, что на чердаке: птицы, белки и собака. Давно мумифицированная собака, но она была среди них. Большая, с зубами, собака, собака, которая

может себя защитить, она была среди них. Среди убитых.

Я сгребла котенка под одеяло. Сердце у меня колотилось так, что он, наверное, испугался и стал носиться туда-сюда, больно царапая мне ноги.

А эти смеялись! Может, и надо мной. Лысый ничего не понимал, Лысому нельзя объяснить. Если бы только здесь была Лена!..

Я шевельнула пальцами ног – и тут же в них впились маленькие коготки. Неделю назад я бы визжала и прыгала от такого подарка. А сейчас мне было страшно.

– Как она? – Лысый сидел рядом со мной, но говорил с этой, как будто я не слышу.

– Все болеет. Думала, ей лучше, хотела уже сегодня выпустить к остальным, а с утра – рвота. Пусть еще побудет на карантине.

Она врала: никуда она не хотела меня отпускать, иначе сказала бы, и вообще. Мне казалось, она заперла меня тут навсегда. Я спросила:

– А где остальные-то? – Но эти меня проигнорировали.

– Смотри, чтобы не скучала. Краски дай, внизу в коробках. А я принесу маленький телик.

– Угу. Слушай, Лень, у нас опять продукты кончаются. Только надо на дальний рынок ехать, а то здесь...

– Видел цены, да. Опять ты меня выгоняешь! Дай хоть выспаться. Туда-обратно – это почти целый день.

– Вот за день они все и доедят...

При слове «доедят» мой желудок нехорошо сжался. Я не припомню, чтобы меня кормили с тех пор, как я оказалась на этом острове. Но голод я почувствовала только сейчас.

– Я тоже есть хочу.

– Убедили-убедили. – Лысый встал и скинул с плеча маленькую сумку. – Это тебе для котенка, а я поехал. Не ссорьтесь.

Мне хотелось вцепиться в его штанину и не пускать. Но он быстро встал, пересек комнату и вышел. Женщина, пахнущая тряпкой, вышла за ним, не забыв запереть меня как следует. Лысый ей ничего не сказал.

* * *

Она пришла ко мне только вечером. Глядя в пол, наклонив голову, как будто пробивала мою дверь лбом. Она вошла, она влетела так, что простыня приподнялась от ветра.

– Значит, я злая?!

Я сидела на кровати, вцепившись в котенка, и мне хотелось провалиться под матрас.

– Значит, я плохо с тобой обращаюсь?! – Она была в медицинской маске, волосы закрыли лоб так, что глаз вообще не было видно. Я накрылась с головой одеялом, но она сдернула его, обдав меня запахом тряпки и пота. – Значит, тебя что-то не устраивает?!

И тогда я разревелась от ужаса. Лысого нет, мы одни. Эта

явно чокнутая. Она оторвет мне голову и скажет, что я убежала. А я буду лежать на чердаке, как все другие тела, только побольше, но в этой куче никто не различит.

– Не реви, Джерри. Это очень серьезно, то, что ты сказала Леониду Ивановичу. Из-за тебя я могу лишиться работы, ты понимаешь, что это значит? – Она нависла надо мной своим безглазым лицом. В горло забился запах тряпки и еще давленных помидоров с петрушкой. Меня опять затошнило, и я разревелась еще больше.

– Пенсионерам и так нелегко устроиться на работу, а после твоих фокусов меня вообще никто никуда не возьмет. – Она тряхнула меня за плечо, я вырвалась и отскочила в другой конец комнаты. На секунду я впервые увидела ее спину. Узкую, горбатую, ее как будто сложили вдоль, как книжку. Она тут же повернулась и шагнула ко мне, тряхнув волосами. Они взлетали от малейшего ее движения, даже, кажется, когда она говорила. Или она просто трясла головой? – Ты совершенно неуправляема, Джерри. И ты меня очень обидела. Я не хочу, чтобы ты говорила, что я плохо с тобой обращаюсь. Поэтому я не буду больше к тебе подходить.

Я не поверила своим ушам. Что, правда?! Звучало слишком здорово, чтобы поверить, но переспрашивать я не рискнула. Она кивнула будто самой себе и быстро вышла, заперев дверь.

Почти сразу где-то в доме заиграла гитара Лео. Наверное, тот момент был последним, когда я была счастлива.

С полминуты я стояла где оставили, слушая гитару и переваривая новость. Новости. По крайней мере, Лео здесь. Я уже не одна. Интересно, где остальные? Лысый наверняка к ним зашел, и если он еще не бегает по дому с воплями «Где все?» – значит, они здесь и живы. Уже хорошо, а то я успела подумать всякое. Вторая хорошая новость: эта обещала меня больше не тиранить – что может быть лучше! Оказывается, ябедничать Лысому – это иногда полезно. Что ж, если меня больше не трогают – я свободна!

Я рванулась к двери, дернула ручку, забыв на радостях, что заперта. Но женщина, пахнувшая тряпкой, не утратила рефлексов: дверь не поддавалась. Ну и ладно. Всегда есть окно. Я, между прочим, голодная, и давно. Если она не собирается меня кормить, я большая девочка и могу обслужить себя сама. Только выберусь.

Котенок сидел на кровати и мяукал, глядя на меня огромными глазами. Я достала сухой корм из сумки, оставленной Лысым, насыпала котенку горсть прямо на простыни (их уже ничем не испортишь) и полезла на подоконник.

Оконная ручка, которая так легко поддавалась ночью, стояла намертво. Я попробовала повернуть, но с тем же успехом могла пытаться вывернуть штырь из бетонной плиты. Она как будто была вцементирована в раму без всяких там пово-

ротных механизмов: не поворачивалась, и все. Я попробовала другую – то же самое. Что за ерунда! Ведь так не бывает: это всего лишь оконные ручки! Я налегла сильнее. Рука соскользнула, и на ладони осталась глубокая борозда. Ничего, где наша не пропадала. Взяла полотенце, попробовала с ним. Вафельные бороздки врезались в кожу, казалось, еще одно усилие – и я оцарапаюсь этим полотенцем. Уж лучше так...

Я мучила эти оконные ручки так и этак, не веря, что не сплю. Я даже не один раз осмотрела их в поисках замков, как будто раньше не видела, что не было там никаких замков. Обычные оконные ручки! Что с ними вдруг стало?!

Через пять минут мои ладони покрылись волдырями. Я начала думать, что схожу с ума. Может, я тут совсем обессилела на одном сиропе, что окно открыть не могу?

Лысый однажды показывал нам фильм. Там компания пошла в заброшенный дом, и в одной из комнат за ними захлопнулась дверь. Обычная межкомнатная дверь без замка. А когда на них выскочила какая-то жуткая тварь, они рванули обратно – и никто не смог эту дверь открыть. Очень глупо, потому что так не бывает. Но это происходило со мной. Глупое окно отказывалось меня слушаться, как дверь в том фильме.

С досады я тюкнула кулаком по раме и опять потянула ручку. Что-то звякнуло внутри, и я полетела с подоконника на пол. Оконная ручка осталась у меня.

Я неудачно приземлилась на ногу, боль резанула так, что

мне захотелось посмотреть, нет ли на полу осколков. Нет. Только я и моя нога, странно вывернутая. В руках – эта нелепая оконная ручка. И закрытая рама.

Я взвыла от беспомощности и села на пол, растирая ушибленную ногу. Боль отвечала на каждое прикосновение, как будто что-то разорвалось там внутри. Боль билась, отдавала в пальцы и почему-то в колено, я раскачивалась сидя, растирала больную ногу и проклинала женщину, пахнущую тряпкой. За что мне это?!

Мимо моей комнаты кто-то быстро прошел. Я даже выть перестала: не слышала, как поднимаются по лестнице, хотя она рядом. Хлопнула соседняя дверь (а я-то думала, что в той комнате никого нет), и кто-то быстро заговорил. Слов я не разбирала, даже не могла понять, мужчина это или женщина. Говорили тихо и быстро-быстро, я слышала только гул, почти ровный. Потом шаркнула по полу мебель, скорее всего кровать, кто-то опрокинул стул, затопал. Голос затараторил громче, но слов я все равно не разбирала. За ним последовал удар, как будто по стеклу, но ничего не разбилось. А потом завопила Софи.

Она была в соседней комнате, в шаге от меня, нас разделяла только стена. Я забарабанила в эту стену, слабо соображая, что не поможет, потом в дверь... Хлопнула соседняя дверь, и кто-то быстро прошел мимо моей комнаты. В этот раз я слышала, как спускаются по лестнице. Я колотила в дверь, пока не разбила кулаки. Когда я стала подумывать

разбить окно, на улице давно стемнело.

Я держала в руках стул, которым замахнулась на это чертово окно, когда заметила, что вокруг опять тихо. Все шумы, что доносились до моих ушей за последние минуты (или часы), издавала я. Нога болит. Даже если я расколочу это чертово окно, о том, чтобы спуститься во двор с моей ногой, не может быть и речи. Я так и стояла со стулом, прислушиваясь, а потом попробовала постучать в стену. Если Софи еще там... Тишина. Я постучала еще: ну ответь же мне, если ты там! Кажется, во всем доме не раздавалось ни звука.

* * *

Я растянулась на полу, нашарила сумку Лысого, достала пакет с сухим кошачьим кормом и отправила в рот целую горсть. Слюна хлынула навстречу дурацкому вкусу сухой крови, рогов и копыт. Желудок проснулся и затребовал добавки. Не разжевав толком первую, я отправила в рот еще горсть кошачьих сухарей. Котенок смотрел на меня круглыми глазами. Ничего. Он никому не скажет.

Чтобы сглотнуть, потребовалось усилие. Кошачьи сухари встали в горле колом, и я на четвереньках поковыляла в ванную запивать. Как быстро мы можем деградировать, если создать скотские условия! Спасибо, хоть воду мне не отключили. Я подтянулась на раковине, открыла кран и, стоя на одной ноге, запила свой странный ужин.

Корм провалился. В желудке стало тяжело и спокойно. Нога еще болела, я замотала ее мокрым полотенцем, добралась до подоконника, села и стала думать, как быть дальше.

Флешбэк-3

Софи, Флер и опять Жули

Мы с Флер оказались в школе одновременно: пока Лена лечила меня, Лысый волонтерил в другом африканском госпитале, куда и попала Флер. Не знаю, почему ей захотелось поехать с Лысым, он дурак, но что сделано, то сделано: мы познакомились в самолете и болтали всю дорогу. Лена сдержала свое обещание: увидев Флер, я почувствовала, что я больше не сервал. А когда уже в школе нас познакомили с Софи, я совсем успокоилась.

Даром что, увидев нас, Софи бросилась навстречу с воплями «Спасите меня от этого придурка!», проскакала мимо и залезла на дерево в школьном дворе. Лена тут же помчалась к ней, выяснять, в чем дело. Мы с Флер смотрели на это шальными глазами, и лично я на секунду пожалела, что приехала.

– Она оставалась с молодым воспитателем, – объяснил Лысый, наблюдая, как Лена снимает Софи с дерева. – Пойдем узнаем, что там у них случилось.

Он повел нас в здание школы – и сразу же нам навстречу выскочил парень, лет на пять постарше нас с Флер.

– Баев! – рявкнул на него Лысый и стал отчитывать на каком-то незнакомом языке.

Баев ответил на нем же. Сам он был какой-то неопрятный:

когда-то синяя медицинская роба переливалась всеми оттенками пятен, рукав был порван, над бровью ссадина, придававшая ему устрашающий вид. В общем, я сразу поняла, что они с Софи тут не скучали. Баев замахнулся на Лысого своим полотенцем, но Флер так посмотрела на него, что парень тут же притих.

– Случилось-то что? – спросил Лысый уже по-французски. Парень посмотрел на нас, посмотрел на Лысого, будто прикидывая, стоит ли доверять нам такую страшную тайну, и все-таки признался:

– Холодильник уронили. – И опять перешел на незнакомый язык, хотя по интонации было нетрудно понять, что он пытается донести до Лысого всю боль утраты.

Они еще ругались, когда нас догнали Лена и Софи и повели показывать школу.

Я ничего не запомнила тогда. Комнаты, комнаты... Больше всего нам с Флер понравилась лестница, мы их не видели раньше. Самым классным в ней были перила. Флер сообразила, что на них можно кататься, и следующий час мы провели с пользой. Лену к тому моменту куда-то позвали, и она не могла нам помешать.

Блестящая идея положить на перила кусок фанеры и съезжать на ней стоя принадлежала Софи. До нашего знакомства она успела проучиться в школе несколько лет и кое-что понимала. Фанеру мы нашли быстро: зашли в пустой кабинет Лысого и вынули полку из шкафа (Софи сказала, что Лысый

их не считает, и оказалась права: после этого случая он еще долго думал, где мы взяли такую фанеру, и дыры в шкафу не замечал. Если бы Лена не хватилась бумаг с той полки, которые мы перепрятали не помню куда, он бы до сих пор ничего не заметил).

Первой поехала Софи. Мы поднялись на третий этаж, Софи приладила фанерку, ловко вскочила на нее ногами и... Мы рванули за ней по лестнице, но не успели пробежать и двух пролетов, когда снизу послышалось «шмяк!». Через несколько секунд Софи уже бежала нам навстречу вверх по лестнице с совершенно счастливым лицом:

– Наконец-то я здесь не одна! А то от скуки с ума сходила.

Флер тут же отобрала у нее фанеру и радостно умчалась наверх. Мы не стали подниматься, просто ждали, пока она промчится мимо нас. И она промчалась! Орала Флер так, будто ее щекочут. Я испугалась, что на вопли прибежит Лена или, хуже того, Лысый. Но прибежал этот Баев и не нашел ничего лучше, чем попытаться остановить Флер на лету. Она съезжала по перилам, он стоял внизу пролета и на повороте ухитрился схватить ее за ногу.

Что было дальше, я плохо видела, потому что упала Флер на меня. Я, пытаясь удержаться, вцепилась в этого Баева, и мы все-таки шмякнулись на пол. Это произошло так быстро, что я еще несколько секунд слышала, как стучит фанера уже по лестнице.

Пока воспитатель ругался на незнакомом языке, Софи

подхватила нас с Флер, и мы бросились бежать. Кажется, он гнался за нами. Потом я подобрала фанерку и съехала вниз, обогнав всех.

Это было реально здорово! Девчонки бежали за мной и не сильно отставали, за спиной вопил Баев, я буквально чувствовала, что у меня выросли крылья не крылья, но колеса точно.

Но лестница быстро кончилась. Последние ступеньки и перила упирались в дверь черного хода. Я хотела затормозить в нее, но она открылась, и на секунду я увидела Лену. А потом – небо, а потом – снег.

Я плюхнулась в ледяную белую кашу и завопила от ужаса. Снега было совсем чуть-чуть, его нанесло, пока Лена и Софи показывали нам школу, но я в нем сидела, как мне казалось, по горлышко. С воплями я пыталась выкопаться из сугроба, швыряя грязно-белую кашу в Лену и этого Баева, в окно первого этажа и еще не помню куда. Помню, что Баеву прилетело в лоб и он опять разорался.

Просто до того дня я никогда не видела снега.

Тут же подбежала Софи, помогла подняться и быстренько увела в школу меня и Флер. За спиной смеялась Лена и орал Баев.

В себя я пришла, наверное, минут через пять. Мы сидели в коридоре на подоконнике. За окном на школьный двор падали крупные белые хлопья. Зрелище было умиротворяющее, даже вопли Баева снизу его не портили.

– Чего он все время орет? – спросила я у Софи.

– Что мы его уже достали и по перилам ездить опасно.

– Конечно, если тебя за ноги хватают!

– Не обращайтесь внимания, он дурак. Думаю, он скоро от нас уйдет.

– Тогда точно дурак! Здесь весело!

– Только не ему. Он все время чего-то боится: телефон берет через раз, а если кто-то пришел, сам к нему не выходит, а просит меня подойти посмотреть на мониторы. А сам только и делает, что смотрит по телику «Криминальные новости»: где кого убили и вот это все. Может, от них он и нервный такой? – Она еще наговорила кучу незнакомых слов, но я поняла, что этот воспитатель мне уже не нравится.

А потом нас нашла Лена. Она сказала, что это здорово, что мы подружились и умеем веселиться, но молодой воспитатель не оценил нашего веселья и, кажется, больше к нам не придет.

Не помню, чтобы кто-то из нас тогда расстроился.

Глава VI

Дверь

От матраса все еще пахло кровью, рвотой и кошачьей мочой. За эти трое суток я застирывала его, наверное, в сотый раз, каждый раз надеясь, что это последний. Я притаскивала из ванной туалетное мыло, хорошенько намоченное, намыливала пятно, потом ногтями и ладонью соскребала мыльную воду на пол. Каждый раз на полу оказывалась вонючая оранжевая лужа, а на матрасе по краю пятна оставалась уже подсыхающая пена. Кровь и рвота забивались запахом мыла, но, увы, ненадолго. Я вытирала пол. Переворачивала матрас. И надеялась, что хоть на этот раз запах уйдет. Он не уходил. Из-за закрытого окна он впитался в стены и потолок, мне казалось, что он плотный и постепенно сжимается вокруг меня, заполняя собой все пространство.

...Отволочь бы этот матрас в ванную да замочить как следует, но с моей ногой это было нереально.

Нога распухла, стала вдвое больше другой, и наступать на нее я только мечтала. Передвигалась на одной ноге по комнате, опираясь на мебель, развлекала себя стиркой матраса, чтобы не думать о голоде и боли. Странно, но я к ним почти привыкла и даже успела изучить их повадки.

По утрам меня будил голод. Он сжимал желудок и пытался вывернуть наружу, как будто я проглотила трубу работа-

ющего пылесоса. Просыпаться мне не хотелось, и я ворочалась с боку на бок, пытаюсь принять удобное положение и выторговать себе еще полчаса. Через полчаса работающий пылесос в желудке становился невыносимым. Я вставала на здоровую ногу и все равно касалась пола пальцами больной – и тогда просыпалась окончательно. Мой второй враг – боль – неожиданно выскакивал из-за угла, как в компьютерных игрушках, и вцеплялся намертво. В эти несколько секунд я забывала о голоде: стояла, держась за кровать, и орала от души. Во-первых, так легче. Во-вторых, орать я теперь могу сколько угодно: ко мне никто не зайдет.

Первые два дня я только и делала, что вопила и стучала, то в дверь, то в окно, то в стену к Софи, но все вокруг будто оглохли. Я слышала голос женщины, которая пахнет тряпкой, гитару Лео, голоса... Но никто словно не слышал меня. Я не могла поверить, я думала, что сплю, что ору слишком тихо, что они далеко и меня не слышат... Я не знаю, почему так. Я устала об этом думать и больше не думаю.

...Когда боль чуть отпускала, голод давал о себе знать с новой силой. Я скакала на одной ноге в ванную, чтобы как следует напиться теплой воды. От нее подташнивало, но боль в желудке уходила на некоторое время. Боль в ноге к тому моменту тоже становилась терпимой, и я развлекала себя стиркой матраса или смотрела в окно.

Двор как будто вымер: никто не выходил, никто не носился с мячом, не висел на деревьях, даже не сидел на лавочках

около дома под огромной сосной. Тишина стала такой привычной частью жизни, что я даже удивилась, когда однажды услышала шум катера.

* * *

Это было на второй день моего заточения. Я так привыкла к тишине, нарушаемой только гитарой Лео да редкими шагами по коридору, что даже не сразу поняла, что это за шум. Я глянула в окно – и тут же спряталась. Из дома по дорожке к реке со всех ног спешила женщина, пахнувшая тряпкой. Она катила перед собой сразу две тачки, и я сразу все поняла. Лысый вернулся! Ну да, должен же он был вернуться, если сутки назад уезжал на один день! Вроде все правильно, а мне это казалось чудом. Сидя в комнате, я думала, что ко мне уже никто не придет. И вот наконец!

Я обрадовалась и нагло уселась на подоконник. Женщина, пахнувшая тряпкой, толкала впереди себя две тачки, держа каждую за внутреннюю ручку. Ну то есть пыталась катить. Тачки норовили то встретиться, то разбежаться, но женщина, пахнувшая тряпкой, была упорной. Она ссутулилась, вывернула локти, как будто изображала петуха: я не видела ее лица, но была готова поклясться, что она красная и злая. Она шагала тяжело, на полусогнутых, как будто не толкает эти тачки, а волочет за собой, причем груженные чем-то тяжелым. Каждый ее шаг оставлял на сыроватой дорожке глубо-

кий след, как от прыжка.

Тачки в очередной раз встретились, беззвучно стукнувшись друг о друга бортами, и, похоже, заехали ей по ноге. Женщина, пахнувшая тряпкой, издала короткий вопль, пнула тачку и опять вскрикнула. Мне показалось, что она сейчас обернется. И она обернулась. Прямо на меня. Я тут же уставилась вверх, будто наблюдаю за птичкой, но подбородком чувствовала ее взгляд. Она смотрела на меня. Ждала, пока я опущу голову. Я стала свидетелем ее позора, и уже этим разозлила ее. Женщину, которая пахнет тряпкой. Женщину, у которой на чердаке полно убитых животных. Женщину, которая держит меня взаперти и морит годом. Я не хочу ее сердить, у нее явные проблемы с головой.

Я смотрела вверх, почти на потолок своей комнаты, так пришлось запрокинуть голову. Шее было жутко неудобно, но я терпела: не хочу встречаться с ней глазами. Наверное, со стороны это выглядело ужасно глупо, но мне было плевать. Я ждала, когда она отведет глаза, хоть и не видела, куда она там смотрит. У меня под потолком висела маленькая паутинка, тонкая, как полволоска, а с задранной головой трудно было сглатывать. Внезапно смолкла гитара Лео, и я сразу подумала, что он, так же как я, прилип к окну в своей комнате. Горло мое уже парализовало от такого положения, я опустила голову и выглянула в окно.

Женщина, пахнувшая тряпкой, толкала тачки впереди себя, навстречу ей шел Лысый. Лысый! За эти сутки я успе-

ла забыть, что он уезжал всего-то на сутки. Я забарабанила в окно, но он не услышал. Взял у этой вторую тачку, и они вместе покатали к реке.

Мне показалось, что меня ударили. Лысый был рядом и не увидел, что я ему машу. Нос защипало от слез, от обиды захотелось разбить стекло и вывалиться на улицу. Лысый не видел меня. Не видел! С досады я пнула раму больной ногой, взвыла и покатила с подоконника на жесткое днище кровати без матраса. Деревянные рейки больно впились в ребра, слезы хлынули на волю. Мне вдруг ясно представилось, что я уже никогда не выйду из этой комнаты. Что на следующий год, когда старый корпус наконец продадут, приедут новые хозяева и найдут мое высохшее тело и меховую тряпочку – котенка – рядом. Если я сейчас же не расколочу окно...

Лео опять заиграл, и, кажется, это заставило меня думать. Вывалиться из окна и сломать вторую ногу я всегда успею, спешить нечего. Если эти двое уходили с тачками – значит, обратно пойдут с грузом: правильно, Лысый же за продуктами уезжал. Тогда он будет ко мне лицом и обязательно увидит меня в окне. А нет – так постучу.

Я перебралась обратно на подоконник и стала ждать. Двор и дорожка были усыпаны опавшей хвоей, ветками, как будто по нему неделю никто не ходил. Может, так оно и было, я болела, не знаю. Не удивлюсь, если женщина пахнувшая тряпкой, всех заперла по комнатам. А иначе где они? Планшеты Лена отобрала у нас до осени, звуков телика тоже не слышно

– чем, спрашивается, заняться? В школьном дворе никогда пусто не бывает, даже с теликом и планшетами. Все время торчит компания Бада с мячом, мы с Флер порисовать выходим. Софи и Лео не очень-то любят гулять, но за сутки-то их можно увидеть во дворе раз или два. А тут – никого.

Вдоль тропинки, ведущей к реке, тянулся малинник, еще пустой. Правее, в шаге от скамейки, атели в траве ягоды земляники. Много, реально много красных крупных ягод, заметных даже с моего второго этажа. Желудок отозвался спазмом, и я поскакала в ванную пить теплую воду – так легче, так хотя бы не больно в животе. Доскакала в два прыжка, пустила воду, набрала полные горсти, хлебнула.

...Если бы наши гуляли, земляники бы давно не было. Это ясно. Значит, она никого не выпускает. А может, и нет никого? Нет, Лео играет, Лысый уезжал за продуктами... Я выключила воду и развернулась, чтобы бежать к окну, но не успела. В дверях ванной стояла женщина, пахнувшая тряпкой:

– Я видела тебя в окне, Джерри.

– Меня зовут Жули, и я хочу есть. Сейчас придет Лысый...

– Я не понимаю, что ты говоришь. Просто не хочу, чтобы ты наябедничала Леониду. Ты ведь можешь сделать это жестами, просто показавшись в окне, верно?

Я сразу поняла, к чему она клонит. Рванулась из ванной мимо нее, но не успела – влетела лбом в закрытую дверь.

Свет погас. Боль в ноге резанула, тюкнула в голову. Щелкнул замок: не замечала, что он есть на двери ванной. Я сидела на холодном кафеле и корчилась от боли в ноге. Из-под двери сочился лучик света, перекрываемый в двух местах ее шлепанцами.

– Я выпущу тебя, обещаю. Пусть только Леонид уедет. Я просто не хочу потерять работу. – Она вышла из комнаты, и за ней щелкнул второй замок.

От обиды я взвыла так, что понадеялась: Лысый услышит. Она заперла меня на второй замок! Теперь я даже не могу выбить окно.

Я стукнула в дверь кулаком, она зашаталась и приятно хрустнула. Черт ее знает, из чего она там сделана, но у меня нет выбора. Если я не вырвусь отсюда в ближайшее время, женщина, пахнувшая тряпкой, заморит меня голодом или еще чего придумает, чтобы избавиться от меня. За что? Чем я ей насолила? Я не понимала, но если она не выпускает на улицу никого, значит, дело не в нас, а в ней! Она чокнутая, вот и весь ответ. Я не виновата, что она чокнутая!

Кое-как я встала на одну ногу, одной рукой вцепилась в раковину, чтобы не упасть, другой размахнулась и врезала по двери. Кулак царапнуло, громко брякнули замки и петли. Моя рука провалилась и наткнулась на что-то острое. Я отдернула ее, поцарапалась и на секунду ослепла от света: в двери была сквозная дыра. Из нее сыпались какие-то опилки, а стенки двери были не толще ногтя, как будто и правда

картонные. Ох я и сильная, ох я и молодец, только надо спешить! Я врезала еще раз – и опять ссадила кулак. В этот раз получилась только вмятина. Тогда я уселась на пол и принялась крошить дверь руками, отламывая куски. Куски получились небольшие, царапались, на меня сыпались опилки, но надо было спешить.

Внизу хлопнула дверь, затопали ноги.

– А чего так тихо? – спросил Лысый. И тогда я завопила. Громко, на одной ноте, так, чтобы слышали на том берегу. Лысый обязательно услышит меня, прибежит и увидит, что творит без него эта. Я орала, пока не кончился воздух. На секунду замолкла, чтобы сделать вдох, и услышала голос Лысого:

– Что там происходит?

– Я узнаю, – быстро ответила женщина, пахнувшая тряпкой, и затопала вверх по лестнице.

Идет! Черт, она идет! Почему она, а не Лысый?! Я выломала еще один кусок картона из двери, высунула голову и руку: мало, не пролезаю, надо еще... Я потянулась назад, но тонкий картон вцепился в плечо как зубами. Дернулась – и картон больно вцепился в голову. Я застряла.

В замке зашевелился ключ, повернулась ручка двери, и вошла женщина, пахнувшая тряпкой. Увидела мою торчащую из двери физиономию и расхохоталась:

– Ты прекрасна, Джерри! Леня, иди сюда, скорей! Это надо видеть!

– Что там? – Лысый, судя по голосу, был внизу.

– Застряла в двери.

– Ну так вынь ее, мне бежать надо! Опять в новом корпусе что-то напортачили.

– Ну глянь!

– Сфоткай и иди сюда, ты мне нужна. Только вынуть ее не забудь! От ее вопля весь дом подпрыгнул!

Женщина, пахнувшая тряпкой, невозмутимо достала телефон, щелкнула меня, полюбовалась, щелкнула еще. Я не знала, куда деваться от стыда. Дернулась назад, ободрала голову, но освободилась и полетела на спину на холодный кафель.

– Дурная ты, Джерри, и не лечишься. Дверь заставлю перевешивать тебя. – Она сунула телефон в карман и вышла, не забыв запереть дверь.

Я тут же бросилась отковыривать новые куски картона, и уже через пару минут сидела на подоконнике. Внизу топали и сустились Лысый и эта. Они громко собирали Лысого в старый корпус, как я поняла – надолго. Это было не важно, потому что сейчас он покажется на дорожке и обязательно обернется на окна. Тогда я скажу ему, что случилось. И он останется. А она – нет.

– Возьми мой старый телефон. Он хотя бы звонит...

– Не, я уже новый себе присмотрел... Все, бегу, катер и так заждался. – И он громко затопал, но не в сторону двери. Я сперва решила, что мне кажется, но нет. Шаги удалялись не вправо, а влево от моей комнаты. Где-то в другом конце

дома хлопнула дверь.

Еще не поняв, что такое произошло, я прилипла к стеклу. Никто не показывался. Я представляла, как Лысый спускает с крыльца свой рюкзак волоком, как присаживается, чтобы его надеть, встает, поправляет лямки, встряхивает головой, ворчит «За что мне это все?», наконец, делает шаг. Другой, третий. Сейчас из-под козырька над крыльцом покажется его плешь...

Нет. Нет. И все еще нет. Та дверь, что хлопнула, – не та дверь. Не знала, что из дома есть другой выход. Выход, куда не выходит мое окно.

Женщина, пахнувшая тряпкой, явилась незамедлительно. Она осторожно заглянула в комнату, вошла, отперла за-чем-то ванную и молча удалилась, не забыв запереть меня снаружи. Я готова была опять разреветься от нелепости ситуации. И кажется, даже ревела, не помню. Сидела на подоконнике, смотрела на двор и все не решалась высадить стекло.

* * *

Позже во двор с граблями вышла Флер, и я немножко приободрилась. Хорошо, что я ее вижу. С ней почти как с Леной – всегда спокойнее.

Флер принялась убирать с газона опавшую хвою и листья. Она это ненавидит, на ее лице была гримаса отвращения, заметная даже мне со второго этажа. Я стала стучать в стек-

ло и вопить, и она сразу увидела меня. Провела рукой: «Что случилось?» Я взмахнула руками в ответ, отпустив подоконник, за который держалась. Пытаясь устоять, автоматически наступила на больную ногу, взвыла и опять вцепилась в подоконник. Флер поняла это по-своему и показала «Выздоровливай». Я держалась за подоконник одной рукой, а другой орала «Меня заперли, меня заперли»... Флер показала «Кто?», а к ней по дорожке уже бежала женщина, пахнувшая тряпкой. Я показала на нее. В этот момент женщина, пахнувшая тряпкой, подняла голову, и я так и замерла со своим нацеленным пальцем. Я не видела ее глаз, но отчего-то вздрогнула, и моя рука чуть не соскользнула с подоконника.

Она коротко сказала что-то Флер, и та тут же опустила голову. Так и работала с опущенной головой, даже после того, как эта ушла. Я стояла как дура у окна и смотрела, как она сгребает мусор. Ее напряженная шея выдавала, что она изо всех сил старается не поднимать голову и думает только об этом. Наверняка эта, как и я, следит за ней сейчас из окна. Флер неестественно выгибала шею, почти сворачивая голову набок, и ускоряла шаги. Движения граблями становились все шире, размашистей, она, наверное, проклинала меня последними словами, пока не закончила работу.

...Она шла в дом быстро, глядя под ноги. Мне казалось, что если она сейчас поднимет глаза, то сразу раздастся выстрел и Флер упадет. Женщина, пахнувшая тряпкой, просто грохнет ее, и все. У самого дома она все-таки подняла глаза.

Я показала ей жестом «Бежим».

Глава VII

Одна

...Когда я не стирала матрас и не смотрела в окно, я возилась с оконными ручками. Мне удалось кое-как приладить на место оторванную, но это не помогло ее повернуть: она просто вылетала обратно. Верхняя же как будто вмерзла в окно, несмотря на духоту, которая стояла в комнате, вмерзла, прилипла, вросла. Я не теряла надежды и не упускала случая подергать створку окна. С моей ногой я бы все равно не сумела вылезти, но это занятие помогало мне не думать о голоде и боли.

...Ночью голод и боль нападали разом, как Бад со своей бандой. Они атаковали с двух сторон, и мне некуда было деваться. Мне казалось, что я залезла с головой под душное одеяло и мне срочно надо найти лазейку, чтобы не задохнуться. Это было нелегко: меня окружали запахи из матраса, они были третьими в этой банде, как Руди, он белоручка и во всех делах Бада и Васьки только в сторонке на подхвате. Я вертелась и вертела головой, ловя носом струю хоть какого-то воздуха, и, как только ловила, мне становилась чуть легче на какие-то полминуты, и мне надо было поймать их, чтобы успеть заснуть. Если не успевала, все начиналось заново. В конце концов я все-таки засыпала, а через минуту, как мне казалось, меня опять будил голод. Я не знаю, сколько я

спала на самом деле. Но когда я просыпалась, было светло, а когда засыпала – темно, значит, наверное, сколько-то спала.

...И видела во сне этих, на чердаке. В снах это был не чердак, а какое-то огромное помещение без дверей и окон. Оно не имело границ, оно уходило далеко вперед и в стороны насколько хватало глаз. То, что там есть какие-то стены, можно было только догадаться, потому что там царил полумрак. И весь пол, весь, насколько хватало глаз, был усеян убитыми животными.

Я просыпалась от спазма в желудке и еще пыталась выторговать себе немного сна – даже такого, но сна: кажется, я начала привыкать. Только к боли и голоду не привыкнешь. А видеть ужастики во сне я, кажется, привыкала.

* * *

Это было похоже на шоу про выживание. В первый же день я слопала почти весь кошачий корм. С котенком я, конечно, тоже поделилась, но все равно была наказана: меня рвало всю ночь, и в носу до сих пор стоит этот запах: крови, рогов, копыт, кислоты. На второй день я опомнилась, высыпала все, что осталось в пакете, и разделила на четыре кучки. Это котенку на четыре дня. Я выдержу, я большая. Потом – я не знаю, что буду делать. Человеку, чтобы умереть от голода, нужно точно больше, чем котенку, так что я увижу, как он умирает, а я этого не хочу. В том, что женщина, пахнущая

тряпкой, может нас убить, я уже не сомневалась. Она, похоже, вообще, не соображает, что делает. Она псих, как наш Бад. Не получается у него играть на гитаре, он ее раз! – и об пол. И осколки во все стороны. Вот и она со мной так же.

Бада я, кстати, видела за эти дни. Одного, что странно. Он гонял мяч во дворе, и мне на пару секунд показалось, что все в порядке. Наверное, это одна из самых привычных мне картин: Бад гоняет мяч. Ловко, не отпуская от себя ни на полшага, чтобы не достали соперники, даже если они воображаемые (все-таки Васьки и Руди не хватает), выписывая восьмерки и рисуясь перед воображаемыми болельщиками. Я даже залюбовалась, если честно. Когда к тебе в ад присылают видюху из твоей нормальной жизни – залюбуешься. Не важно, что там Бад.

Но во двор вышла женщина, пахнувшая тряпкой, и все пошло наперекосяк. Она что-то сказала Бад, Бад проигнорировал, как обычно, она сказала что-то еще и еще. Бад играл, она его явно отчитывала, это было видно по ее позе и часто дергающейся голове. Даже мне было заметно, как взлетают ее волосы при каждом движении. Кажется, до меня сквозь стеклопакет доносился ее голос, так она орала. Потом ушла. Бад плюнул ей вслед и продолжил гонять мяч. Я даже обрадовалась: хоть кто-то из наших пошел против нее! Ее больше не было во дворе, а Бад был и гонял мяч, это была победа, я даже зауважала его в ту минуту. А потом раздался выстрел.

Мне за пластиковым окном было слышно не очень хоро-

шо, но этот звук трудно с чем-то перепутать. Стреляли откуда-то со стороны дома: там козырек над крыльцом, мне из окна не видно, кто под ним. Бад затормозил и посмотрел на дом. В него точно не попали, но он зачем-то стоял и смотрел в ту сторону вместо того, чтобы бежать. Потом он покрутил кому-то пальцем у виска, взял мяч и побежал в сторону дома.

Уже когда он скрылся под козырьком, мяч вылетел обратно во двор, и никто за ним не пришел. Он так и лежит там, этот мяч, я стараюсь не смотреть, и Бад, кажется, тоже. Он еще пару раз выходил: в сарай за инструментом и подмести двор. Мяч так и лежит, Бад не трогает его, даже не убирает.

* * *

Я не могу дождаться, когда опять приедет Лысый. Похоже, он ни черта не видит под собственным носом, потому что редко бывает на острове. Думаю, женщина, пахнувшая тряпкой, специально его отсылает то туда, то сюда, чтобы властвовать здесь одной.

Пожалуй, я подожду еще пару дней, а потом выбью стекло и все-таки попробую вылезти. Не представляю, как буду лезть по стене с больной ногой, но отлично представляю, как долго буду умирать здесь одна, а это глупо, если можешь спастись. Здесь всего-то второй этаж, даже если упаду, я не разобьюсь.

Мокрый матрас я стащила на соседнюю пустую кровать без белья и прочих излишеств, пускай сохнет. Котенок тут же улегся сверху (нашел сухое место). Реечное днище я застелила давно высохшей простыней, положила одеяло для мягкости (оно тоже давно высохло) и попробовала улечься на рейках. Запах не беспокоил, но доски больно впились в бока, не давая повернуться. Лечь на полу в моей комнатушке было уже некуда. В проходе между кроватями я могла только стоять боком, и все. Тогда я стащила белье на пол и закатилась под кровать. Вот так. Если все вокруг считают, что меня нет, то пусть они меня и не видят.

Сквозь рейки, как сквозь решетки, я видела комнату, окно и солнечный свет. Сильной боли не было, но, чтобы не бередить больную ногу, мне лучше лежать.

На какой-то момент мне стало стыдно, что я ничего не делаю: лежу, стараясь избежать боли, гадаю, что будет дальше, и не делаю ничего, чтобы спастись. Другая бы на моем месте давно высадила чертово стекло, выпрыгнула во двор, ворвалась бы на кухню, сожрала бы там все и устроила этой разнос, что она меня не кормит. От последней мысли я даже вздрогнула. Разнос. Этой. Да и не вылезешь в окно с моей больной ногой.

Глава VIII

Новые странности

Ночью моя больная нога совсем озверела. Я прикрывала глаза, проваливалась в сон, расслаблялась, неосторожно шевелилась во сне, и боль возвращала меня в сознание. Реечное днище кровати перед лицом чернело в темноте толстой решеткой. В окно светила луна – так, что можно было разглядеть подтеки краски на стенах. Сквозь мою решетку. Я была заперта трижды: Лысым – на острове, женщиной, которая пахнет тряпкой, и больной ногой – в комнате и мокрым матрасом – под кроватью. Моя деревянная решетка закрывала половину луны и большую часть окна. Но я сразу заметила, когда оконный проем заслонила тень.

Она была огромная и закрывала собой почти все окно. Я дернулась в сторону, больная нога среагировала и заставила притормозить. Все правильно. Что бы это ни было, мне лучше оставаться на месте. На месте, господи, что это?! Тень замерла за окном, и я разглядела руки и голову. Вроде, человек. Она прижалась лицом к стеклу, одной рукой держась, другой закрываясь от света. Она вертела головой, наверное, не могла меня найти, и эти движения показались мне знакомыми. Лео! Совсем я стала запуганная на этой даче, своих не узнаю!

Я выскочила из-под кровати, задев больную ногу, взвыла

и на одной подскочила к окну. Лео на подоконнике отпрянул от моего неожиданного появления, но удержался. Помахал, постучал... Черт, как же я его пущу? Я показала жестом «не могу» и «сломалась». Для убедительности подергала ручку рамы и опять вырвала ее. Лео блеснул белыми клыками, показал «бей!» и отошел. Теперь я прилипла к стеклу, чтобы разглядеть, где он там. Он повис на выступе в полушаге от окна и ждал. Что ж, кокнуть это стекло я давно хотела. А в компании не так страшно. Я взяла стул, выставила ножками вперед и как следует саданула по стеклу.

Грохот был такой, что казалось, я перебужу весь дом. Я даже зажмурилась. А когда открыла глаза, стекло было на месте, только пара маленьких трещин – вот и весь результат. «Сильнее» – махнула из темноты рука Лео, и я врезала сильнее.

Стекло хрустнуло, звякнуло и осыпалось мне под ноги. Лео тут же возник в проеме и, стоя на подоконнике, стал выковыривать из рамы застрявшие куски. Пустая рама зияла чернотой рядом с целой, только стекло не поблескивало.

«Как будто так и было», – показала я, и меня зашатало от потока свежего воздуха. Он ворвался и разом снес все запахи, которые душили меня эти дни. Мне сразу стало спокойно, и даже нога, кажется, прошла. Ветер зашумел в соснах, и та ниточка, что связывает человека с животным, потянула меня в лес, на волю, подальше отсюда.

– Так вот почему ты не выходила! – Лео впрыгнул в ком-

нату на цыпочках, чтобы не ступить в стекла босой ногой, и невозмутимо сел на голое днище кровати.

– Она меня заперла.

– Знаю. Флер говорила, она тебя голодом морит. – Он снял рюкзак (только сейчас его заметила), сунул мне в руку большое яблоко и стал выкладывать на тумбочку всякую снедь. Я вцепилась зубами в яблоко, рот тут же наполнился кисло-сладким соком, желудок отозвался спазмом. Лео деликатно не смотрел на меня, потрошил свой рюкзак и болтал. – Флер тоже запирали на днях: что-то она там не то сделала, ее и заперли. Мы с ней через окно болтаем, комнаты соседние.

– Это из-за меня. Из-за того, что мы переглядывались, когда она убирала двор.

– Да ладно!

– А тебя не запирали?

Лео на секунду задумался:

– Не знаю, слушай. Я и так целый день в комнате над гитарой, может, и запирали когда, я не заметил. – Он хихикнул. – Веселую нам няньку Лысый подкинул!

– Не то слово. Я еще остальных не видела, кроме Бада. Что с ними? Дом будто вымер.

– Ваську слышал на днях. Он напротив меня живет и барабанит в дверь иногда. А эта наша психует.

Я кивнула и закинула в рот огрызок – все, что осталось от яблока. В желудке было тяжело, как будто слопала целый ящик.

– А Софи рядом с тобой живет, – продолжал Лео. – Ты ее не слышала?

– Слышала! К ней кто-то приходил и...

– И что?

– И больше не слышу.

– Вот и Флер так говорит.

Я опять шагнула к стене, за которой должна была находиться Софи, и забарабанила двумя руками. Тишина. Как всегда с того дня, когда у нее в комнате первый и последний раз шумели. Я припала ухом к стене – холодная. Лео встал, подошел и тоже прислушался. Тихо.

– Может, спит?

Я покачала головой:

– Я эти дни только и делала, что барабанила в стены, в дверь, в окно...

– Точно, я слышал. И она не отвечала?

– Нет. Ты уверен, что она в этой комнате?

– Когда приехали, она заселялась туда.

– А потом?

– А потом я ее не видел. И вы тоже.

Внизу громко хлопнула дверь, кто-то прошел сквозь первый этаж и затопал вверх по лестнице. Я, кажется, впервые услышала, как идет женщина, пахнувшая тряпкой. Сделала знак Лео: «Беги!», он уже лез в окно и успел исчезнуть. В последний момент я закинула под кровать принесенные продукты, не соображая, что она сейчас включит свет и увидит

их сквозь реечное днище. Успела стащить простыню и бросить на пол, чтобы замаскировать осколки. Ужас. Заметит. Заметит!

Я села на кровать и попыталась изобразить невинный вид. Шаги стихли у моей двери. Кажется, я перестала дышать в тот момент, но я отлично слышала, как дышит за дверью эта. Она стояла там, и мне казалось, что дверь колеблется от ее дыхания. Из-под простыни торчали осколки. Окно зияло дырой, и дуло из этой дыры – не захочешь, а заметишь. Холодно. Опять холодно.

Женщина, пахнувшая тряпкой, постояла и прошла дальше по коридору. Я еще сидела на кровати, не в силах шевельнуться, когда услышала, как далеко в стороне звенят ключи. Флер или Лео? Где-то в районе их комнат...

Послышалась ругань и шум отодвигаемой мебели, кровати или стола – похоже, несчастный, к которому она заглянула, забаррикадировался. Громко хлопнула дверь. Я еще слышала, как женщина, пахнувшая тряпкой, продолжает ругаться, но голос ее звучал глухо, и я почти не разбирала слов. И еще там продолжали двигать мебель. Сквозь этот шум я слышала «Ты гуляешь по ночам», заглушенное шумом падения чего-то тяжелого, и сообразила, что она у Лео.

Первым делом я вскочила и помчалась за веником убирать осколки: если она видела, где был Лео, значит, я следующая. Я метнулась в ванную, схватила веник, замела осколки вместе с простыней, потащила к мусорке, заметила нако-

нец простыню, бросила, вытряхнула, стала опять замечать...

Послышался удар. Сильный, по мягкому, с таким звуком Лена выбивает коврики зимой. Лео взвизгнул, не заорал, а взвизгнул, и удары посыпались так, будто выбивают разом десяток ковров. Я все еще стояла со своим веником. Лео визжал. Он визжал так, что слышал, наверное, весь дом и соседний остров. Я стояла, оглушенная его визгом, и пялилась на битое стекло в совке: мне казалось, что оно колеблется от этого визга. Я должна была тогда бросить все и лезть в окно его выручать, но я приросла к полу. Я слышала только визг. Я видела только визг и чувствовала кожей, как вибрирует от него воздух.

Потом он оборвался. Я как будто проснулась: пошла выкинула стекло, убрала простыню, понимая, что не это надо делать, не это. Я, кажется, даже не хромала тогда. Забыла. Я высунулась в окно – и, конечно, ничего не увидела. Надо лезть.

Я ступила на широкий карниз, подтянула больную ногу – терпимо. Ветер шумел в ушах, а за окнами стояла тишина. Женщина, пахнувшая тряпкой, больше не ругалась и никого не била, но от этого было еще страшнее. Кирпичи холодные. Я сделала шаг в сторону окна Лео (для этого надо было перенести вес на больную ногу) и почти не ощутила боли. Нет, я думала о ней. Последние дни научили меня думать о боли постоянно, даже когда ее нет. Еще шаг. Ветер как будто помогал: бил в спину, прижимая меня к стене. Все нормально.

Я иду.

Первое темное окно – Софи. Я остановилась на подоконнике и прижалась к стеклу, закрываясь от света одной рукой. Глаз мой еле различал два белых покрывала на кроватях, не надо хорошо видеть, чтобы понять, что обе они пусты. Я постояла еще, вглядываясь в темноту в надежде увидеть какое-то движение, но комната была мертвая, будто нарисованная. Лео. Надо идти. Еще несколько шагов по холодному кирпичу. Один царапнул мне руку, и я подумала, что скажет женщина, пахнувшая тряпкой, если увидит кровь на фасаде. Плевать. Окно Флер. Она сидела на подоконнике, прилипнув лицом к стеклу, и даже не удивилась мне: наверное, услышала и ждала. Я ей кивнула, она показала куда-то вниз, за мою спину.

Вцепившись в стену как следует, я обернулась. В неосвященном дворе сверкала седая шевелюра женщины, пахнувшей тряпкой. Она пятилась в сторону реки, волоча за собой огромный черный мешок, в такие сваливают строительный мусор. Только у нас нет строительного мусора. Мешок был тяжелый, по ней это было видно: она останавливалась каждые несколько шагов, чтобы передохнуть. Я повернулась к Флер.

– Она была Лео! – сказала Флер, как будто кто-то в доме не слышал. И тут моя нога соскользнула. Окно с Флер резко ушло вверх, легкие обжег холодный ночной воздух, я инстинктивно сомкнула пальцы и поймала что-то железное.

Водосточная труба. Держусь. Я потихоньку нащупала опору больной ногой, встала и стала смотреть, как спускаться. Можно было съехать по трубе, не так уж и высоко, но из-за ноги я побоялась. Вцепившись в трубу руками, опираясь ногами о стену, я потихоньку спускалась. Труба трещала, но мне было плевать. Женщина, пахнувшая тряпкой, была от меня в каких-то десяти шагах, я слышала, как она пыхтит, волооча свой жуткий мешок. Если бы она не была так занята, она бы легко заметила меня, но мешок занимал все ее внимание.

Наконец моя больная нога коснулась земли и ответила болью, отдающей почему-то в голову. Я быстро переступила на здоровую, но боль не проходила. Обернулась. За спиной блестел страшный мусорный мешок, а за ним – седая шевелюра этой. Она все еще не видела меня. Она волокла свой мешок, двумя руками вцепившись в его края, пятясь, останавливаясь каждые три шага. За мешком оставалась черная вспаханная полоса, заметная даже в темноте.

Я шагнула к ней, вспомнила про больную ногу, плюнула и опустилась на четвереньки. А что делать, если нет ни палки, ни костылей. Так я догнала ее в две секунды. Она была так увлечена своей ношей, что заметила меня, уже когда я вцепилась в мешок со своей стороны и рванула к себе. Женщина, пахнувшая тряпкой, подалась вперед вместе с мешком, клюнула носом собственный кулак, державший ношу, и будто проснулась:

– Джерри! Это что за новости, живо домой!

Я молча рванула мешок на себя. Он был ужасно прочный и порвался не с первого раза. Женщина, пахнувшая тряпкой, вцепилась в мешок как бульдог и все орала свое «Джерри, домой!». Она сама виновата, придумала мне собачью кличку, она убила Лео, она... Я рванула сильнее, и она наконец полетела на землю лицом прямо в злополучный мешок. Он порвался. Услышав треск, я отскочила, опять на больную ногу, зажмурилась, но успела, все равно успела разглядеть, что там внутри.

...К тому же в руке вместе с куском полиэтилена у меня остался огрызок. Из мешка посыпалась картофельная шелуха, хлебные корки, грязные пластиковые тарелки, ветошь... Все это рассыпалось по земле как кишки убитого животного. Лео! Я нырнула в эту кучу и стала раскидывать, копать, мне все казалось, что эта специально зарыла тело в мусор. Я погрузила руки по локоть в эту вязкую дрянь и шарила по мешку, расширяя прореху. К рукам прилипало, сквозь пальцы просачивалось, один раз я напоролась на что-то острое, кажется, пластиковую вилку, но до крови не порезалась. Когда я нащупала пластиковое дно, у меня в животе как будто рассыпался невидимый камень. Я села на землю и вынула из мешка грязные руки.

Женщина, пахнувшая тряпкой, наконец-то сумела встать (пока я копалась в мешке, я нарочно ее толкала). И теперь отряхивалась и орала:

– Джерри, ты что себе позволяешь?! Если голодная, так и скажи, не надо набрасываться на меня и отбирать мусор! Убирай сейчас же!

Я принялась руками сваливать мусор обратно в рваный мешок. Он высыпался обратно, я не сразу сообразила, что занимаюсь ерундой, а когда сообразила, женщина, пахнувшая тряпкой, уже стояла надо мной с новым мешком. Я стала перекладывать мусор туда. Она стояла, смотрела и ворчала что-то про дикарей. Я вывозилась до подмышек и все-таки укололась до крови проклятой пластмассовой вилкой. Мне было все равно. Я скидывала мусор в мешок и думала: где, черт возьми, Лео? Что она с ним сделала? Эта тишина, которая оборвала его крик, – она мне снится будет, если я сегодня его не увижу! Подняла глаза на окна – черные. Мое выбитое стекло темнело, заметно даже отсюда. Как она не увидела?

– Как следует, Джерри! Вот еще бумажка...

Ее заботила только чистота двора, как будто несколько минут назад она не лупила Лео, как будто она нормальная, как будто ей можно...

– Хватит. Иди умойся. Утром я тебя покормлю, раз ты на мусор уже кидаешься. Погоди, а как ты выбралась?

Я стояла молча: привыкла, что она меня не слушает. И еще я смотрела на окна.

– Иди, не стой! – рявкнула она. – Зайдем в дом, я с тобой поговорю!

Лео не убили. Полночи я слушала, как они с Флер перестукиваются, и сходила с ума от ревности и восторга, что он жив. Я лежала на голой кровати, завернувшись в одеяло, и думала, что, наверное, опять простужусь. Нога болела. Хорошо хоть я больше не чувствовала голода.

Ветер за окном ломал ветки с таким хрустом, что мне представлялись огромные деревья, сломанные пополам. Похоже, ураган. Перед самым моим окном медленно колыхались лапы сосны, а где-то в глубине леса так и хрустели ветки. Как будто там бегал кто-то тяжелый, ломая все на пути. Может, так и есть, я не знаю этого леса. С того момента, как мы сюда приехали, сегодня я впервые вышла во двор. А что там дальше, за тем двором, кто его знает.

Холодно. Я протянула руку и пощупала сырой матрас. Если перевернуть, может, на него и можно будет лечь? Но вставать не хотелось. Из-за ноги, из-за холода. Я только плотнее завернулась в одеяло и слушала, как трещат за окном ветки. Они трещали громко и размеренно, как будто ветер бежал по ним огромными ногами. Я считала его шаги и не заметила, как уснула.

Глава IX

Нечто в лесу

Проснулась оттого, что в замке возятся ключом. Котенок стоял у меня на животе и шипел на дверь, выгнувшись дугой. Я вскочила (не привыкла ждать от этих звуков ничего хорошего) – и больная нога тут же напомнила о себе. Котенок свалился, залез под кровать и шипел оттуда. Тоже невзлюбил нашу техничку.

За окном все еще было темно. Ветер стих, и Лео с Флер не слышно. С той стороны двери все еще возились с ключом. Женщина, пахнувшая тряпкой, открывает быстро и неслышно, а сейчас возится, как будто сама еще спит. Что ей от меня понадобилось среди ночи, я боялась предполагать. После сегодняшнего... Я вспомнила, как визжал Лео, оперлась руками о спинку кровати и на одной ноге подскочила к открытому окну. Не поймает! Я даже хромая быстрее, а лазить по отвесным стенам она вообще не умеет.

– Ты куда? – На пороге стоял Лысый. В первую секунду я его не узнала, потому что никогда не видела его с таким лицом. Разбитая бровь, синяя с красной трещиной, она раздулась над глазом огромной шишкой так, что глаза было не видно. Все остальное скривилось в гримасе то ли боли, то ли ужаса, и я подумала, что, если бы у него были волосы, они стояли бы дыбом.

– Стой, это я! – Он протянул ко мне руку, и я увидела, что кулаки у него тоже разбиты. Котенок шипел на его ноги, осторожно выглядывая из-под кровати.

Кровь с рук и лица Лысого капала на пол. Он подошел ко мне, размазывая ногами круглые пуговицы крови. И еще хромал. Даже по красным следам-разводам это было видно.

– Ты чего, Жули? Я такой страшный?

– Да. – Он и правда был страшный, а я уже отвыкла от своего настоящего имени.

Он заглянул в ванную, щелкнул выключателем и, должно быть, увидел себя в зеркале, потому что отпрянул:

– Правда красавчик. погоди, умоюсь. Окно закрой!

Не смешно. Я вошла за ним и стояла за спиной, смотрела, как он умывается. Мне все еще не верилось, что это наш Лысый, и еще я хотела поскорее привыкнуть, чтобы больше не шарахаться от него. И узнать, что случилось.

Лысый умывался осторожно, двумя пальцами, боясь задеть и бровь, и нос, и, кажется, даже щеки.

– Упал, – сказал он, глядя на меня в зеркало. Нашел дуручку!

Я вышла – пусть умоется спокойно один, может, подумает и поймет чего. Он у нас дурак, но не безнадежный. Стянула одеяло, завернулась и села на подоконник. Котенок затаился под кроватью. Ветер шумел как прежде, но ветки больше не хрустели. Луна освещала двор и черную бороздку земли, по которой вечером тащили злополучный мусорный мешок.

Бороздка уходила вдаль тропинкой и терялась в лесу.

Лысый умывался долго, тяжело дыша разбитым носом, хлюпая и шмыгая. Наконец он выключил воду.

– Не обижайся. – Он вышел, прижимая к разбитой брови когда-то белое полотенце. Оно уже было ржавого цвета, как кирпич, и пятно продолжало темнеть и расплываться. – Я действительно упал в лесу, когда удирал от этой твари. Перекусить есть? Или спирт какой?

Пока я соображала, что он такое сказал, Лысый полез в тумбочку и стал ковыряться в бутылках и пузырьках, скопившихся за время моей болезни. Большая часть была уже пуста, женщина, пахнувшая тряпкой, просто поленилась их выкинуть. Лысый подтащил мусорную корзину и метал туда пустые пузырьки и склянки.

– Какой еще твари? Леня, ты имеешь в виду нашу технику?

– Не смешно... О! Что-то плещется! – Он встряхнул очередной пузырек, где осталось на доньшке, постелил полотенце себе на колени и задрал рукав порванной футболки. В подтеках подсыхающей крови блестели глубокие борозды с карандаш толщиной, как от хороших когтей.

– Ой... Кто это? Оно в нашем лесу?

– Увы! Сам не верю. ...Потерпи, мой хороший, сейчас будет щипать... – Это он себе. Он зажмурился и вылил себе на плечо содержимое пузырька. На и без того перекошенном лице появилась жуткая гримаса, губы беззвучно зашевели-

лись, кажется, он ругался. – А-а-а, как же это противно!.. Почти у самого корпуса на меня накинулась, еле отбился. Здоровенная, в человеческий рост!

– Да кто?!

– А я не разглядел, темно же.

– Медведь?

– Да нет, откуда здесь медведи. Остров слишком мал для них. Да и жрать им тут нечего.

– А кто тогда?

Лысый пожал плечами:

– Я не знаю, что думать, Жули. Зверя здесь никогда не было. Да и это не было похоже на медведя. По поведению вообще ни на что не похоже, а как выглядит, я не разглядел.

– А ты ничего не перепутал?

– Такое перепутаешь! – Он замотал руку уже ржавым и мокрым насквозь полотенцем и растянулся на свободной койке, не заметив мокрого матраса. – Петровна куда-то ушла и заперла мою комнату. А у меня ключ остался только от твоей, остальные растерял, пока бегал. Потерпишь меня до утра?

– Ага... Зачем она вообще все запирает? Мы на острове! Кроме нас тут никого!

– Правда глупо. Но она бывшая медсестра, привыкла все запирать: лекарства там, документы... Не пытайся переделывать взрослых, они действуют как привыкли, а не как надо.

– Да уж. – Я дохромала до кровати и тоже улеглась. Чув-

ствовала себя полной идиоткой – какой тут сон!

– Ты-то чего хромаешь?

– Упала...

Лысый заржал, и я вместе с ним. Ситуация была и правда дурацкая. У него одна нога и рука, у меня другая нога – очень гармоничный дуэт. И никто не знает, что происходит.

– Покажи... – Он цапнул меня за щиколотку и стал мять и тянуть. – Давно?

– Вчера вроде. Или нет, раньше...

– Что ж тебе Петровна-то вывих не вправила? Потерпи...

Я терпела. У Лысого железная лапа, и я в очередной раз пожалела, что с нами нет Лены. Она делает не так больно. Лысый тянул, крутил и мял мою бедную ногу, вытягивая слезу. Прошел, наверное, час, прежде чем он отпустил:

– Готово. Попробуй наступить.

Наступила. Еще больно, но жить можно.

– Годится... А все равно твоя Петровна злая! У нее птицы на чердаке. И еще Софи пропала...

– Софи в школе давно! – удивился Лысый. – Подцепила какую-то заразу еще хуже твоей, до сих пор болеет. А что за птицы?

Я рассказала. Лысый слушал с серьезным лицом, поправляя полотенце на разодранном плече. Я думала, он поверил мне. А он сказал:

– Точно, я все время забываю про этот замбк!

– Какой?

– Ключ от чердака потеряли еще при царе Горохе. Петровна тысячу раз просила меня сделать новый, она-то по стенам не лазает. А я все забываю. Немудрено, что там уже склад дохлых птиц.

– Обезглавленных?

– Может, какой мелкий хищник, вроде куницы... Петровна туда точно не ходит, потому что не может.

– Точно не мелкий. Там еще собака была.

Лысый замолчал. Потрогал свое ржавое полотенце на плече и сказал как в кино:

– Ты только не пугайся...

– Верный способ напугать!

– ... но, кажется, она действительно хотела открутить мне голову. У нее рука соскользнула.

– Ты сказал «рука»?

– Пальцы длинные.

– И ты будешь утверждать, что это не Петровна?

Лысый завис:

– Я уже не знаю.

– Если нет, тогда, по-твоему, где она сейчас?

– И этого не знаю. Она за этим домом присматривает уже уйму лет. Одна. У нее свои привычки, о которых мы ничего не знаем, вот тебе и мерещится всякое.

– А на тебя нападают в лесу!

– Что ты хочешь сказать?

Думаю, он прекрасно понял, что я хотела сказать. Догадка

была страшная, но самая очевидная. Я не верю в хищников на маленьком острове. Я верю, что у Петровны не все дома.

– Жули, если бы у нее были ко мне какие-то претензии, она бы мне их высказала. В крайнем случае отлупила бы тряпкой.

– Что, правда?!

– Нет. Пусть только попробует!

– А кто тогда на тебя напал и где эта?

– Не знаю. И про Петровну тоже. В город на ночь глядя она точно не поедет, у нее машины нет... Скорее всего, на реке рыбачит. Я шел с пристани, лодки нет.

Я с трудом представляла себе эту на лодке с удочкой. Рыбалка – занятие для спокойных, а не таких, как она. Но если Лысый прав?

– Позвони ей!

– Звонил, не берет. Встретить ее надо бы, только ружье в сейфе, а ключ у нее.

Я хрюкнула. Понятно, что ружье предназначено для неведомого зверя, если он существует, а не для женщины, пахнущей тряпкой, если это не она, а все равно получилось смешно.

– Вот ты ее не любишь, а она вас, может, затем и запирает, что знает про эту тварь и боится за вас, дураков.

– Тогда зачем она нас вообще сюдапустила? Опасно же!

– Тоже правда. Не сходится. Если бы не плечо, я бы уже думал, что мне все приснилось. Тварь какая-то странная, и

еще эта исчезла...

– Ты вообще ее не разглядел?

– Не-а... Надо вас увозить отсюда. А в новом корпусе ни тепла, ни света, все по-прежнему.

– Едем в школу! – Я даже вскочила. – Лысенький, пожалуйста, едем в школу! Черт с ней, с дачей, все равно отдыхать не дают...

– Так вот как вы меня за глаза называете! – Я прикусила язык. – А я-то думал...

– Ну прости! И едем в школу! Даже эту с собой возьмем, если это не она, с Леной я все стерплю!

Лысый хрюкнул:

– Я передам.

– А в школу?

– В школу, думаю, поедем уже завтра. Только я должен сперва прокатиться до нового корпуса, Михалычу кое-что обещал. А потом вернусь за вами. Нельзя оставаться здесь, все правильно.

Мне сразу стало легче, даже нога перестала болеть.

* * *

Лысый курочил сейф, как воришки в кино: взял арматуру, подцепил дверцу и согнул как пластилиновую. Кажется, его обманули: это был не сейф, а фигня какая-то.

В получившемся зазоре блестела металлическая пластин-

ка запора, как она там называется. Лысый отодвинул ее той же арматурой, и дверца распахнулась. Внутри стояло ружье, валялась тряпка, парочка коробок, наверное, с патронами, и стояла грязная бутылка с какой-то темной жидкостью.

– Ты прятал оружие в этой пластилиновой коробочке?!

– Оружейный шкаф. Без него нельзя, по правилам требуется. Самый дешевый, да, но ты сама сказала: мы на острове, кроме нас тут никого... Может, все-таки останешься дома? – Он спрашивал это раз двадцатый за последние десять минут.

Женщина, пахнувшая тряпкой, по-прежнему не отвечала на телефон. Лысый хотел пойти без меня ее искать, а я не хотела опять оставаться одна в комнате. К тому же он хромал – как я, только на левую ногу. Так что на двоих у нас было две рабочие ноги: правая и левая. И еще мне было любопытно. И страшно, но бояться лучше не одной в комнате, а рядом с тем, у кого есть ружье.

– Фигушки. Я с тобой.

– Тогда поищи старые газеты. В чуланчике на кухне должны быть.

Я дошла до кухни, включила свет... Вот это разгром! На кухне как будто порезвилась стая диких обезьян. Стол, тумбы, все рабочие поверхности были завалены, засыпаны, запачканы... Всем. Продуктами, битой и целой посудой, землей из цветочных горшков, самими цветочными горшками... В углу валялось опрокинутое мусорное ведро, картофельная и яблочная кожура свисала с его краев веселыми

кудряшками. Та же кожа и еще много чего была на табуретках, на подоконнике, на...

– Ну где ты там?

Я открыла чулан и посторонилась, опасаясь, как бы на меня не вывалилась очередная гора мусора. Но там было прибрано. Старые газеты я сразу нашла, они лежали на полке аккуратной стопочкой. Взяла несколько. Вернулась к Лысому в холл:

– Там, на кухне...

– Видел. Если бы эта тварь залезла в дом, она бы шумела. Ты слышишь что-нибудь?

Я напрягла слух, но напрасно: в доме стояла уже обычная могильная тишина, нарушаемая только посапыванием Лысого: здорово он разбил нос – ходит теперь посвистывает на каждом выдохе.

– Сейчас почищу, и проверим. Но, мне кажется, в доме ее нет. Да и прятаться тут особо негде.

Он разложил газеты на белом диване (ох и влетит кому-то от нашей технички!) и принялся орудовать масляной тряпкой. Я сидела рядом и смотрела.

Взгляд мой так и соскальзывал на брошенный на столе новенький телефон Лысого. Женщине, пахнувшей тряпкой, мы позвонили пятнадцать раз. Даже такая вредная, как она, не выдержала бы и взяла трубку. Значит, либо забыла телефон, либо потеряла, либо что-то случилось. Я быстро цапнула со стола трубку и еще раз выбрала номер. Лысый коротко

глянул, оторвавшись на секунду от своего ружья, но ничего не сказал. Гудки. Я положила телефон, не отключаясь, и напрягла слух. Может, забытый телефон этой звонит где-то в доме и я услышу? Тихо. С тех пор как мы приехали сюда, здесь почти всегда очень тихо.

– Ну вот. – Лысый скомкал промасленные газеты и швырнул в корзину. – Идем поищем уборщицу. – Он пошел на кухню, как будто я не была там минуту назад, заглянул, проверил, вернулся. – Нет ее в доме. На второй этаж и подниматься не будем, мы недавно там были. Да и слышали бы...

– Идем уже!

– Волнуешься? А говорила «Злая, злая»... – Он полез в тумбу под теликом и достал фонарь. Все-таки он дурак.

Глава X

Выстрелы

Маленькие садовые фонари во дворе еле освещали дорожку под ногами. Все остальное тонуло в темноте. Луна скрылась, да ее и не было видно за густыми кронами. Тихо. Опять тихо! Вернемся в школу, я буду целыми днями слушать музыку с Бадом и компанией. Плевать, что они отморозки и слушают всякую чушь. Главное – громко. Мои уши устали от тишины. Как же они устали!

Лысый медленно шел впереди меня, светя фонариком на серые стволы деревьев. Луч бил далеко, если бы не деревья, мы бы давно увидели реку. Надеюсь, тварь, напавшая на Лысого, не успела никого сожрать.

Маленький освещенный пяточок под ногами, все остальное тонуло в черноте. Дорожка, засыпанная хвоей и прошлогодними листьями, как же редко по ней ходят. Женщина, пахнувшая тряпкой, держала взаперти не только меня. Лысый нервно дергал фонарем: луч метался туда-сюда по дорожке, кустам – и вдруг замер. От неожиданности я влетела в спину Лысого и устояла в луч фонаря.

Куст малины. Куст малины – и больше ничего. Он был поломан так, как будто на него швырнули огромный мешок с песком, который потом поволокли дальше в лес.

– Видишь?

Я кивнула.

– Тогда идем. – Он решительно свернул с дорожки в сторону куста и осветил примятые ветки с бусинами крови на листьях.

– Опа! – Я вцепилась в его рукав. Рука, держащая фонарь, ушла вниз, и я увидела целую тропинку из примятых кустов. По земле бежала ржавая смазанная дорожка уже подсохшей крови. Кого-то волокли.

– Идем, Жули. – Лысый шагнул прямо на проклятый куст, закапанный чьей-то кровью, и я в очередной раз подумала, что дураки очень смелые люди. Визжать и проситься домой было поздно. Одна я могу и не дойти.

Я шла за ним по этой звериной тропе, стараясь обходить лужицы, а все равно чувствовала, как наступаю в чужую кровь: земля была холодной, эти влажные пятна – чуть теплее.

Лысый старался идти потише и все равно топал как слон. А я слушала. Шаги Лысого здорово выделялись в общем шуме: он прихрамывал и загребал ногой. Листья на ветру шелестели по-другому, у них был свой мотив, своя мелодия. За левым плечом плескалась река. За правым – скрипнула калитка.

Я обернулась, но ничего не увидела в этой темноте, Лысый светил вперед и под ноги, освещая эту жуткую дорожку. К моим ступням уже налип влажный песок, и я потихоньку обтрясала их нога об ногу, зная, что так только еще больше

пачкаюсь.

Остановилась. Сзади послышался новый шорох. Еле слышный, может быть, я тогда себе напридумывала. Как будто кто-то шел, аккуратно наступая на всю ступню, но все равно не мог это делать бесшумно. Короткий шорох – тишина. Опять короткий шорох.

Я цапнула Лысого за куртку, чтобы остановился, и прислушалась. Он обернулся, на секунду сверкнул мне фонарем в лицо и ослепил. Перед глазами запрыгали разноцветные зайчики, луч фонаря проходил мимо меня, Лысый освещал что-то за моей спиной. Что-то громко шаркнуло листьями, и все стихло. Я обернулась, хотя не могла еще ничего толком увидеть, кроме белого пятна, освещенного фонарем.

– Видела?

Я покачала головой. Лысый сунул мне фонарь. На секунду мне показалось, что в луче что-то шевельнулось, но тут же пропало. Лысый вскинул ружье:

– Правее! Еще! Еще! Еще, еще!

Я вела свет по стволам, ничего не видя толком, но прекрасно слышала, как прыжками уходит в лес кто-то тяжелый, как старые листья и хвоя разлетаются из-под его лап. Тяжелый.

Прыжки удалялись и замерли где-то в шагах тридцати от нас.

– Ушла, – шепнул Лысый. – Держи фонарь сама. – Он еще прицеливался куда-то в чашу и, пятясь, стал отходить в сто-

рону пристани. Я не знала, куда мне светить, и светила туда, куда он целился. Мы пятились в темноту, к реке и, кажется, уходили в сторону. Я шла тихо, а Лысый опять топал, загребал ногой, и я не могла слышать ничего, кроме его шагов и ветра. Если тварь ушла недалеко, то она может подкрасться и напасть с любой стороны, мы не успеем заметить.

– Стой! – Я опять поймала Лысого за куртку. Он дернулся ружьем в мою сторону, и мое сердце ухнуло в землю. Это длилось одну секунду. Ну две. Это длилось полжизни. Примерно столько, как мне казалось, я пролежала в африканском госпитале с сервалом. Моя голова много лет забывала, что такое пуля, а мое плечо помнило, как будто это было вчера. Его скрутило, вывернуло, старая боль вырвалась на волю и отдавала куда-то в грудины, от этого перед глазами опять забегали разноцветные зайчики. Ноги стали ватными. Я сомкнула пальцы на куртке Лысого и, как тогда, провалилась в яму.

– ... Нашла мешто и время! – Лысый сидел на земле рядом со мной, держа фонарь зубами и вода ружьем туда-сюда. – Поднимайся шкорей.

Голова еще кружилась. Я вцепилась в его штанину и села. Разноцветные зайчики разбежались, луч фонаря истерически прыгал по стволам, от этого в глазах все равно рябило. Листья шелестели на ветру, а за спиной хрустнула ветка.

Лысый направил ружье туда, я еле успела уклониться, чтобы не получить по физиономии. Вскочила. Лысый прицели-

вался и шумно дышал ртом, сопя и пыхтя через зажатый в зубах фонарь. Луч освещал только стволы и ветки. Я вглядывалась в этот освещенный пятачок и ничего не видела.

– Вошьми.

Забрала фонарь. В глубине леса тут же послышался шорох, как будто тот, кто подкрадывается, воспользовался замешательством и сделал под шумок еще шаг. Я водила фонарем по стволам туда-сюда, вниз вверх и не могла ничего разглядеть.

И тут кто-то прыгнул прямо ко мне. В шаге от меня шаркнули сосновые иглы под чьими-то тяжелыми ногами, грохнул выстрел, и я побежала.

Ветки царапались. Хвоя впивалась в ноги. Я не видела, не слышала, не чувствовала. Ноги бежали сами собой, и я не могла их остановить. Только зажмуривалась, чтобы ветка не попала в глаза, и не разбирала, куда бегу.

Споткнулась. Откатилась под ближайшее дерево. Я старалась тише дышать, а все равно пыхтела как паровоз. Я слышала только свое дыхание, ну да, это же уши заложило от выстрела. Пройдет. Стволы чернели перед глазами одной широкой простыней, только мятой. На земле чуть выделялись пятна старых листьев и хвои. Неба почти не было видно за ветками. И ничего не слышно. Я вжалась в ствол, надеясь, что если я ничего не вижу и не слышу, то, может, и меня не найдет эта тварь. И Лысый не найдет. А он точно ищет. Бегаёт по лесу и орет, привлекая внимание твари.

Я подняла голову и попыталась вспомнить, с какой стороны я прибежала. Справа что-то шевелилось. Оглянулась – ветка. Сломанная мной ветка еще покачивалась – значит, надо возвращаться туда, пока Лысый не начал орать.

Кое-как я заставила себя встать: руки-ноги не слушались – да и кто бы послушался, когда там тварь, там ружье, там стреляют... Ноги держали. Значит, еще ничего. Я знала, что не ранена, что стреляли не в меня, но некоторые вещи сильнее нас, с этим приходится мириться. Потихоньку, стараясь не шуметь, я пошла в сторону сломанной ветки. Не заблужусь, остров маленький.

Ветка болталась на клочке коры, листья, еще живые, висели тряпочками. Я шагнула мимо нее и ударилась ногой обо что-то твердое. Когда я бежала сюда, я помню, что споткнулась. Это было что-то высокое, выше колена, и гладкое, дерево бы меня поцарапало, а это нет. В общем, не пень это был, а что-то другое. И теперь я могла это разглядеть, насколько хватало света.

Сначала я решила, что это большое животное, которое зарылось в старую хвою и сломанные ветки. Высокий длинный холм из лесного мусора, похожий на растянувшегося медведя. Я даже отшатнулась сперва, но потом вспомнила: я же спотыкалась о него, он бы давно вскочил, если бы был живой. И еще он холодный. Я осторожно потянула носом и уловила только запах старой хвои и перепревших листьев. Потрогала – и тут же отскочила. Холодный. Холодный не нападет.

Тогда я потянула большую сосновую ветку, прикрывающую его. Она оказалась огромной. Она закрывала всю его длину, листики, лежащие сверху, посыпались во все стороны. В темноте блеснула цепь. Бедное животное! Я сильнее дернула ветку, отбросила ее – и увидела красную полосу вдоль спины, какой точно нет ни у одного зверя. Господи, кто это?! Я видела его целиком, но в темноте не могла понять, где голова, где лапы. Потрогала. Пальцы глухо стукнулись о деревяшку.

Еще несколько секунд мне понадобилось, чтобы сообразить: лодка! Она лежала перевернутая вверх дном, замаскированная ветками, кто-то явно не хотел, чтобы ее нашли...

– Жули, это ты? – Я аж подпрыгнула. Лысый, судя по голосу, был в паре шагов от меня.

Я шагнула в ту сторону и наткнулась на него в кустах:

– Испугалась ружья.

– Нашла время! Идем! Встретим Петровну на берегу, а завтра днем свалим отсюда.

– Она не придет. – Я показала ему деревянный холм в темноте и эту блестящую цепь.

– Что ты болтаешь... – Он все-таки посмотрел. Подошел, потрогал. Сел на нее и сказал:

– Наша. Я ничего не понимаю.

– Идем... Здесь нельзя... – Я взяла у него фонарь и потянула за собой.

Я направила луч вперед, и между стволами тут же мелькнула чья-то тень. Она двигалась бесшумно в трех шагах от меня. По этим веткам, по этой хвое это было невозможно, я сперва решила, что мне показалось. Тень метнулась в сторону и скрылась за стволами. Я показала Лысому. Он отстранил меня и стал целиться. Я шарила лучом по стволам, но тени больше не было видно.

– Потерял...

И я потеряла. Мы так и стояли, прицелившись кто чем в то место, где минуту назад была тень, когда шорох послышался из-за спины.

Я обернулась, и над ухом опять грохнул выстрел. Лысый, похоже, вообще не целился, пальнул наугад. И попал.

Даже сквозь заложенные уши я услышала этот вопль. Высокий, на ультразвуке, не человеческий, не звериный, какой-то чудовищный вопль, как будто из фильма ужасов. Лысый отобрал у меня фонарь и побежал вперед. Пару секунд я стояла, соображая, бежать ли за ним, а когда побежала, его уже не было видно. Далеко впереди, в шагах десяти от меня, поблескивал луч фонарика. Я погналась за ним, но Лысый развил какую-то нечеловеческую скорость. Луч не приближался. Он метался от ствола к стволу, тварь вопит, раненая, а как быстро бежит! Я напоролась ногой на ветку, все той

же больной ногой, и несколько секунд стояла, поджав ногу и подвывая, только беспомощно смотрела, как удаляется луч фонаря. Когда я опять попробовала идти, луча уже не было.

В ушах у меня еще звенело от выстрела и воплей твари, но я все-таки прислушалась. Только звон и этот жуткий визг, больше ничего. Я подобрала сломанную палку и пошла в ту сторону, куда убежали Лысый и эта тварь. Не заблужусь, остров маленький, но это я себя так утешала. Тогда в темноте он казался огромным и страшным: я ничего не слышу, и подкрасться ко мне можно с любой стороны. Ужасно хотелось позвать Лысого, но я побоялась выдавать себя голосом. Тварь тоже слышит. Я вглядывалась в темноту: может быть, увижу опять луч фонарика, но нет. Похоже, Лысый успел уйти очень далеко. Или просто разбил фонарь. Да, скорее всего, он разбил фонарь, а сам находится рядом, просто я не слышу, мне заложило уши. Сейчас это пройдет, и я его найду.

Я быстро хромала по лесу и высматривала в темноте сломанные ветки или еще какие-нибудь следы. Их было много. Прямо передо мной еще качалась огромная сосновая лапа, сломанная на уровне человеческого роста. Подул ветер, и уши отпустило, теперь я могла прислушаться.

Ветки деревьев шелестели на ветру, и совсем рядом плескалась река. Шагов не было слышно. Никаких. Как будто эти двое провалились неизвестно куда, а я тут...

– Лысый! – Я завопила так, что сама испугалась. Мой

воплъ разнесся по лесу и ушел в воздух. Тишина. Я стояла, замерев, и слушала долго-долго – нет.

– Лысый...

Нет. Даже листья на ветру не шуршали. Тогда я побежала. Я бежала, напарываясь на ветки, спотыкаясь, я бежала вперед, туда, куда, по моим прикидкам, ушел Лысый. И еще я, кажется, не переставала вопить. В этой темноте я ни черта не видела, кроме сломанных веток и старой хвои. Лысого нигде не было. У него темная куртка, его не разглядишь. И почему, в конце концов, нигде не видно луча фонарика?!

Я бежала. Наверное, долго. Иногда мне казалось, что я вижу среди стволов какое-то движение, тогда я бежала туда, не думая, что это или кто. Лысого нигде не было. Я бежала, то вопя, то прислушиваясь, но слышала только хруст веток под собственными ногами. Кажется, я загребала в сторону и нарезала круги, потому что ветер дул то в лицо, то в спину. Я бежала, пока не выбежала на берег.

Здесь не было ни пристани, ни пляжа, выскочив из леса, я сразу ступила в высокую траву, и нога моя соскользнула в ледяную воду. Брр-р! Я отдернула ногу, потеряла равновесие и села на землю, опершись спиной на ствол сосны. Вот и приплыли.

Река плескалась и доставала до моих пяток, а за спиной была тишина. На горизонте уже блестела узкая полоска рассвета, и мне почему-то было спокойнее от нее. Еще какой-нибудь час – и лес проснется, и все будет видно и слыш-

но, и я, может быть, даже найду Лысого... Слезы подступили к переносице, но я по-прежнему не хотела верить в то, что произошло.

Глава XI

Бад сошел с ума

Я проснулась оттого, что солнце нещадно жарило мне лицо и голову. Повернулась на бок, попала ногой в холодную воду и только тогда распахнула глаза. Ничего не было видно, кроме разноцветных зайчиков в глазах, ослепленных солнцем. Я от него отвыкла. Дожили. Я отвыкла от солнца. Лена с Лысым всегда очень переживают, если мы недостаточно гуляем, рассказывают, как это вредно, и ворчат про холодный климат. А здесь... Лысый!

Я вскочила и тут же вцепилась в дерево, чтобы не упасть. Голова кружилась. Разноцветные зайчики мелькали перед глазами как бешеные, я держалась за дерево и боялась упасть в воду. В лесу орали птицы. Интересно, который час? Судя по солнцу, скоро обедать. Желудок нехорошо сжался от такой мысли, но голова обрела ясность.

Лысый! Рядом его не было. Был бы – давно бы разбудил. Был бы жив и на ногах, давно бы нашел меня и тоже разбудил. Но его здесь нет. Лысый!

Я завопила так, что в глубине леса вспорхнули птицы. Завопила и побежала. Больная нога тут же напомнила о себе, боль резанула и выплеснулась слезами. Лысый! Эта тварь до него добралась, иначе он бы меня не бросил. «Кто кого бросил!» – мелькнуло в голове.

Я бежала как могла. Здорово мешала хромота, я шумно загребала ногой, но мне было плевать. При дневном свете лес был совсем не страшным, если не думать о том, что было ночью. Если не думать о том, кого я ищу. Что я ищу. Я всматривалась в заросшую тропинку, но мне везло. Тропинка выглядела так, будто по ней уже давно никто не ходил – значит, ночью мы были не здесь. Не были. Но Лысого все равно рядом нет. Если сейчас же не случится чудо... Лысый.

Проклятый лес просматривался почти насквозь: я видела красную крышу нашего домика, а ничего похожего на человеческую фигуру на ногах не видела. Если домик в той стороне – значит, ночью я потеряла Лысого чуть правее... Повернула. Резанула больная нога. Бежать по этим корешкам получалось не очень, но я не могла идти спокойно. И еще я орала. Мне хотелось, чтобы меня услышали как можно дальше, пусть даже на том берегу, потому что здесь нельзя одному без помощи. И в тот момент мне казалось, что во всей округе нет совсем никого. Кроме меня. И женщины, пахнущей тряпкой.

Маленький лес показался мне бесконечным. В нескольких шагах от того места, где я вчера потеряла Лысого, я притормозила. Больше всего хотелось проскочить его на лету, но я заставила себя встать и посмотреть. Тропинка уже была истоптанная, по обочине валялись комки мокрой хвои вперемешку с листьями. У нее был характерный ржавый цвет и странный запах, и я догадывалась, почему она мокрая. Впе-

реди уже виднелись поломанные кусты. Примятые ветки выпрямились за ночь, а сломанные болтались как лапы гигантских пауков. На одном листе красиво засохло пятнышко крови. Я обошла сломанные кусты вокруг – нету. Очень хорошо, что нету. Я побежала в другую сторону.

Бежала и орала, в надежде, что хоть кто-то меня услышит. Ноги не слушались. Я боялась увидеть то, что ищу, боялась найти Лысого. Я мечтала найти его живым и молилась о чуде. Я на бегу шарила глазами по дорожке и кустам и выдыхала каждый раз, когда лежащий на земле предмет оказывался всего лишь поваленным деревом.

Я выскочила к лодке с ее красной полосой на брюхе и этой жуткой цепью. Не знаю, зачем я стала закидывать ее ветками. Я должна была хоть что-то делать. Должна была. Лысый.

Я опять завопила, и что-то больно дернуло меня за плечо. По носу шаркнули ветки, и больно ударил борт лодки. Я успела инстинктивно повернуть голову – и увидела Бада.

Он стоял надо мной, держа за вывернутую руку, и морда у него была злющая.

– Ты чего?!

Он не мог мне ответить: обе его руки были заняты.

Самое время сказать, что мы все можем общаться только жестами. Ну, кроме учителей: Лена с Лысым болтают – не заткнешь, а мы можем только орать. Мы прекрасно слышим и понимаем – кто по-русски, кто по-французски, кто оба языка, – а вот говорить не можем. Лена говорит, что у

нас какая-то особенная форма нёба, которая не позволяет нам быть как все. Она специально собирала нас таких в одну школу, чтобы мы не чувствовали себя одинокими. Она же и учила нас языку жестов, чтобы мы общались между собой и могли ответить учителям. Еще мы немного знаем морзянку. Но так, на уровне «Дурак! – Сам дурак».

Бад держал меня двумя руками. Он не мог ответить. Он поднял меня на ноги и только тогда отпустил.

– Домой! – У него всегда был скудный словарный запас. Но сейчас-то, но здесь-то он же должен понимать...

– Бад, Лысый погиб. Петровна злая. Надо отсюда бежать, а не домой, Бад!

Бад покачал головой и подтолкнул меня в сторону дома. Еще он тупой. Но не настолько же!

– Бад, Петровна убивает...

– Меня точно убьет, если я тебя не приведу.

– Я серьезно!

– Думаешь, я шутки шучу? Вы все достали! То один убежит, то другая! Петровна задолбалась за вами бегать!

В принципе, он вел себя как обычно. Просто еще кое-чего не понял...

– Бади, она убила Лысого. И тебя убьет.

– ...если не приведу тебя. – Он шагнул ко мне, но я рванула в лес с такой скоростью, какой не ожидала от своей больной ноги. Бад оглушительно топал за спиной: догонит! Он сильный, я хромаю, он догонит. Я завопила от ужаса и опять

клюнула носом землю.

* * *

Не помню, что я тогда пыталась ему сказать. Больше орала от ужаса, что сейчас опять окажусь в том доме, но одна рука у меня была свободна, и я еще пыталась объяснить Бадду, что нас ждет в доме. Он не хотел слушать: а верил или нет, не знаю. Не знаю, что на него нашло. Не думала, что он настолько урод. Не хотела так думать. И орала. Орала, что не хочу, чтобы мне оторвали голову.

* * *

Бад открыл дверь моей головой, добавив унижительного пинка. Эта сидела на диване как ни в чем не бывало и бинтовала себе руку с помощью Руди. Этот неумеха наложил килограмм ваты и пытался как-то замотать все бинтами. Петровна, у которой была только одна рабочая рука, кое-как удерживала лубок, который, казалось, вот-вот обвалится. У меня внутри все сжалось от этой простой будничной картины. Если не знать, кто ранил ее в руку и где он теперь...

Петровна и Руди обернулись на нас. На лице Руди мелькнул короткий испуг, а Петровна сохраняла свое неживое выражение лица:

– Молодец, Бро. Ты сделал, что я просила?

Бад кивнул, потом помотал головой, потом опять кивнул... Я подумала, что она и правда нас не понимает, а не просто так вредничает. Иначе Бад бы пустился в длинные рассуждения о том, почему он не сделал то-то и то-то и что там еще ему помешало. Он мастер отмазок, этот Бад. Но он ограничился кивками – значит, не рассчитывал, что его поймут.

– Что значит нет? Иди делай. Или доделывай. – Бад опять кивнул и хотел идти. – погоди! – Она подняла забинтованную руку: огромный лубок, похожий на выбеленное осиное гнездо, в конец которого вцепился Руди – он пытался завязать бинт неуклюжими пальцами. Я потихоньку спросила его: «Что с ней?» – но он показал мне средний палец.

– погоди! Проводи эту к ней в комнату. – Она показала на меня своим лубком.

И тогда я рванула назад. Дверь была в трех шагах от меня, Бад стоял чуть в стороне, я бы успела... Я уже видела деревянную дверную коробку, ручку, закапанную краской: шаг, два, протянуть руку... Пол ударил по подбородку, и я взвыла от отчаяния. Бад всегда умел подставлять подножки.

* * *

Дверь моей комнаты была распахнута, матрас убран, и белье тоже. Мне любезно оставили две кровати без единой тря-

почки. Бад втолкнул меня, дал на прощание подзатыльник и щелкнул замком. Только тогда я заметила, что здесь нет моего котенка. Дверь была открыта, и он, скорее всего, убежал... Но сумки с кошачьим кормом тоже не было. Значит, его унесли.

Я подскочила к окну. Стекла по-прежнему не было, и я взвизгнула от радости, что могу сбежать. Петровна все-таки рассеянна и забывает простые вещи.

Глава XII

Лео надеется на лучшее

Я сразу полезла на чердак. Болела рука, болела нога, я боялась сорваться, но у меня не было выбора: сидеть здесь и ждать, пока она заколотит окно фанерой или вообще отправит меня в подвал, я не собиралась. А главное – я боялась, что увижу котенка там, на чердаке, где все птицы, мыши, собака... И, может быть, уже Лысый.

Больная нога соскользнула, я вцепилась в чей-то подоконник и увидела физиономию Флер. Она растянулась на подоконнике, свесив ноги, и смотрела в небо. Меня она как будто не видела. Я подтянулась, встала на приступок, постучала ей. Она была неподвижна, даже зрачки. Я постучала еще. Флер глянула на меня и заплакала. Почему она не открывает окно? Почему она не выбьет его? Я показала жестом «Выходи», но она замотала головой. Показала «Уборщица» и провела рукой по горлу. Ясно: боится этой. Мне захотелось высадить стекло самой, но за это ведь могут наказать Флер. Я полезла дальше.

Правая нога, левая рука. Хорошо, что болит у меня не с одной стороны, иначе фиг бы я сюда залезла. А так потихонечку, мелкими шажками, иногда останавливаясь ненадолго, чтобы унялась боль в руке или ноге... О том, что меня могут заметить снизу, я не думала. Если об этом думать, остается

только сидеть в комнате и бояться. Как Флер.

На скате крыши, у самого чердачного окна, я опять чуть не сорвалась. Нога соскользнула, за ней – рука, я и вскрикнуть не успела, как из чердачного окна высунулись руки и втащили меня внутрь.

* * *

Первым порывом было вырваться, я даже дернулась назад, но вовремя передумала и вцепилась в руку сильнее. После этой ночи я совсем перестала соображать. Подоконник впился в живот, скользнул, и я провалилась в темноту. Уже падая, испугалась, что попаду на тушки мертвых животных, но ноги уже коснулись гладкого пола, даже без заноз и пыли. Передо мной стоял кто-то из наших, но он быстро отошел от окна, и я не сразу его разглядела.

Пол и правда был чистый, и пылью не пахло. Этот из темноты оттащил меня от окна, и я наконец разглядела Лео.

– Я думал, тебя убили в лесу.

– Не дождешься! – Ну почему я несу всякую чушь, когда его вижу! – Погоди, ты откуда знаешь?

– Выходил ночью. Слышал вас. Только не понял, кого вы ловили.

– Да мы сами не поняли. А что поняли, в то верить не хочется. – Я рассказала ему все, что было вчера, опустив стыдный момент про мое бегство.

– А если Лысый все-таки жив? – Лео всегда был оптимистом. Но в этот раз он меня взбесил. Это глупо, очень глупо... Я не успела ничего сказать – видимо, он все прочел на моей физиономии: – Только не злись. Ведь ты не нашла тела? Может, он спокойно уехал, чтобы сегодня, как обещал, забрать всех назад в школу.

– Я боюсь в это верить.

Глаза за это время уже привыкли к темноте, и я видела, что на чердаке реально чисто. Больше нет убитых птиц и той собаки, даже полы, кажется, вымыты.

– Ты сам давно здесь?

– Ночью и перебрался. Заодно сделала вылазку на кухню. Эта и правда с головой не дружит, лучше держаться подальше.

– А эти... Ты видел, что здесь было?

– Я их похоронил.

– Всех?!

– Ну, пришлось повозиться. У меня тут куча времени: заиграю – засекут. Приходится помалкивать и придумывать себе занятия.

– А ты не боишься? Здесь?

– Боюсь, конечно. Только деваться-то некуда. Мы на острове. Я хотел сбежать, подошел ночью к пристани – лодки

нет. По-моему, эта специально ее спрятала.

Кажется, он был прав. Я рассказала ему, как нашла лодку.

– Значит, мы можем сбежать! – обрадовался Лео.

– Только надо взять Флер. Что с ней, она заболела?

– Хуже. – Лео уселся на вымытый пол. – Она боится выходить.

– Как же эта ее запугала!

– Нет, не она. Ну, не только она. Дело в другом. – Он посмотрел на меня, и у меня глаза ушли в пол. Чего он смотрит? Он еще и поднырнул, пытаюсь поймать мой взгляд. Сомневается, поверю ли я? Он отпрянул и выдал: – Ее комната прямо под нами, заметила?

Еще бы! Первый раз, когда я сюда попала, я лезла к Флер, а попала на чердак. Но об этом решила никому не рассказывать – засмеют.

– Когда я удирал на чердак, я звал ее с собой. Она испугалась, как будто я ее там убивать собираюсь. Я стал расспрашивать, что да почему. Оказалось, она по ночам слышит звуки...

– Какие?

– Разные. То ходит кто-то, то чавкает, то стонет.

– Ну да. Помнишь же, что тут было.

– Поэтому я ей сразу поверил.

– И все равно полез?

– Должен же я был выяснить, что здесь творится. Да и выбора у меня не было: оставаться в комнате, куда в любой мо-

мент может войти эта... Здесь я хотя бы услышу, как она карабкается. – Он засмеялся.

– погоди, а ступеньки? Дверь на чердак. Из дома...

Он встал и поманил за собой. Мы прошли в глубину чердака, туда я в прошлый раз не пошла – побоялась из-за мертвых животных. Теперь их не было: гладкий пол, стена. У стены – склад металлических белых шкафов, какие бывают в медицинских кабинетах.

– Это что?

– Ну, если ты просунешь руку, то где-то там, за баррикадами, сможешь нащупать дверь. Но не советую, там пыльно.

– Так это не ты их сюда поставил?

Лео покачал головой:

– Они тут до нас стояли. Там паутина и вот такие твари – он показал фалангу большого пальца. – Так что никто нас не достанет, все нормально.

– Лысый мне еще говорил про потерянный ключ... погоди, а Флер знает?

– Да, но она все равно боится. И самое главное знаешь что? С ночи я здесь, а она все равно слышит эти звуки. Не только мои, а те... Говорит, там какие-то особенные шаги и даже слышно, как кто-то дышит.

– А ты?

– А я не слышу. Оно начинается, когда я ухожу.

Я села где стояла, опершись спиной на несчастный шкаф. Вроде не узнала ничего нового, а вот... Мне казалось, что

все приснилось: чердак этот, туши, вот это все. Когда видела только ты, легко убедить себя, что ничего не было. А сейчас... Я знала же, что на чердак кто-то ходит.

– Новых тушек я, кстати, не видел. – Лео уселся напротив меня. – Флер говорит, что если я отсюда не уберусь, следующая может стать моей.

– Ты псих! А Флер права.

– Может быть. Но псих хочет есть. Если Лысый все-таки жив и увезет нас всех после обеда, то самое время пообедать.

– А если нет?

Он не ответил. Не вставая, залез в один из шкафов, достал пакет, раскрыл и положил на пол между нами:

– Налетай.

Я наугад достала связку бананов и отщипнула один:

– Только ты меня и кормишь в этой дыре... Погоди, а Флер? И эти... – я кивнула на дверь в том направлении, где, по моим прикидкам, располагались комнаты Бада и компании.

– У мужиков все нормально, – заверил Лео. – Они сошли с ума и целыми днями выются вокруг этой. Полы помыть, обед приготовить, дать тебе по шее... – Я чуть не подавилась: значит, он все видел в окно! – Влюбилась прям! – он хихикнул. – Так что голодными они не бывают. А Флер мы сейчас займемся. Доедай. – Он целиком заглотил помидор, который держал в руке, и подставил мне корзинку для банановой кожуры: – А мусор я выношу в постель к этой. Шучу. –

Он отошел на несколько шагов в сторону, поманил меня за собой. – Хорошо, что у Флер в комнате длинная швабра. – Он постучал по полу.

Я не сразу поняла, что он делает, пропустила, наверное, целую фразу, а ведь Лео выстукивал морзянку. Лысому однажды вздумалось нас научить, но он быстро устал и сказал, чтобы его лучше пристрелили. Мы и правда неважно справлялись, но у Лео и Флер получалось неплохо. Вот и пригидилось. Когда я начала вслушиваться, поняла, что он выстукивал «Открывай окно, обедать пора!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.